

**Военные
Приключения**

В АРХИВАХ НЕ ЗНАЧИТСЯ

ВИТАЛИЙ ГЛАДКИЙ

Военные приключения (Вече)

Виталий Гладкий

В архивах не значится

«ВЕЧЕ»

2021

Гладкий В. Д.

В архивах не значится / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ»,
2021 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8651-7

«Поручик, распустив плетеный кожаный шнурок-завязку, вытряхнул содержимое мешочка на стол. И застыл, ошеломленный: на шершавых, нестроганных досках грубо сколоченного стола маслянисто желтели крупные золотые самородки...» Так в годы Гражданской войны началась эта история. Но её участникам потребовалось пройти огненными дорогами Великой Отечественной и прожить десятилетия, чтобы приподнять укрывавший её покров тайны. Роман признанного мастера отечественной приключенческой и остросюжетной литературы.

ISBN 978-5-4484-8651-7

© Гладкий В. Д., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	43
Глава 11	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виталий Дмитриевич Гладкий

В архивах не значит

© Гладкий В.Д., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

Пролог

Худощавый мужчина в годах, одетый в штормовку, серый свитер ручной вязки, джинсовые брюки и резиновые болотные сапоги, с трудом преодолел крутой подъем и остановился, чтобы отдышаться.

Он был далеко не молод и путь по колымской тайге его сильно утомил. Мужчина (или, если быть точным, старик) хватал напоенный весенними запахами чистый и удивительно свежий воздух открытым ртом словно рыба, выброшенная паводком на берег.

На его худом, костистом лице, обветренном и загорелом, отчетливо просматривалась печать смутных времен. Так видятся искушенному исследователю клинописные знаки древнего народа на обожженной глиняной табличке.

Видно было, что старик прожил нелегкую жизнь, которая не отличалась ни целомудрием, ни высокой нравственностью. В его внешнем облике была какая-то ущербность, отличающая людей недобрых и злых.

Злые импульсы оставили свои глубокие следы-морщины везде, где только можно, и сконцентрировались в глазах, которые блестели остро и злобно – как у хищного зверя, вышедшего на охоту.

Старик настороженно прислушивался и всматривался в заросли.

На Колыму пришла весна, наполнившая тайгу птичьей разноголосицей, а пустынное в зимний период небо – стаями уток, гусей и лебедей, возвращающихся в родные края.

Деревья уже стали оживать под ярким весенним солнцем, зазеленела трава, но в распадах местами лежал снег, а наледи на реках и ручьях еще и не начинали таять.

Старик стоял на пригорке недолго. Отдышавшись, он начал споро спускаться к звонко журчащему внизу ручью, берега которого были лишены растительности. Похоже, он устал продираться сквозь заросли и решил облегчить себе путь.

Действительно, вдоль берега можно было идти как по плохой проселочной дороге. Старик приободрился и зашагал быстрее – почти побежал, перепрыгивая через бугорки и рытвины. Он явно куда-то торопился.

Только теперь стало заметно, что старик сутулится и прихрамывает. Тем не менее ни возраст, ни хромота не мешала ему двигаться с приличной для пересеченной местности скоростью.

Несмотря на годы, старик был подвижен и достаточно крепок. Через плечо у него висело ружье, старенькая двустволка, а за спиной бугрился солдатский вещмешок.

Вскоре ручей повернул налево, в речную долину, а старик снова начал преодолевать подъем. Похоже, он стремился побыстрее добраться к густым зарослям стланика, ярко зеленеющим на пологом боку зализанной временем невысокой сопки.

В зарослях он снял ружье и зарядил его патронами с картечью. На смуглом лице старика появилась жестокая циничная ухмылка. Устроив из камней и веток стланика бруствер, он лег, и направил ружье в сторону низменности. Там была проплешина, поросшая невысокими, редко расположенными лиственницами.

Ждал он недолго, не более получаса. Наверное, глаза у старика до сих пор были зоркими, потому что он заметил движущуюся цель не на проплешине, где она была бы видна, как на ладони, а рядом с нею, в густом подлеске.

Это была скорее тень, нежели какой-то определенный объект. Похоже, человек (или зверь) не рискнул выйти на открытое пространство, а пробирался через заросли.

Старик вполголоса пробормотал ругательство и, припав щекой к прикладу, затаил дыхание, стараясь прицелиться точней. В его взгляде сквозила холодная, расчетливая злоба, а тонкие сухие губы кривил нервный тик.

Выстрел грянул неожиданно громко, разбудив таежную тишину. Грохот выстрела унесся к заснеженным вершинам далекого хребта, разбудив многократно повторяющееся эхо.

Стрелять со второго ствола старик не стал. Он сразу понял, что промахнулся. Цель исчезла, растворившись среди деревьев, но по движущимся верхушкам молодых невысоких лиственниц старик определил, что объект жив и уходит в глубь тайги.

Старик отбросил ненужное ружье в сторону и в ярости начал месить кулаками ни в чем не повинный бруствер. При этом он рычал, как затравленный зверь, и что-то бессвязно выкрикивал.

Но в состоянии аффекта старик пробыл не более минуты. Ему в голову вдруг пришла какая-то мысль – скорее всего, не очень приятная. Он перестал стенать, встрепенулся, подхватил ружье и, вскочив на ноги, побежал.

Теперь он несли, не выбирая дороги. Страх исказил его лицо, глаза округлились, дыхание стало хриплым, прерывистым. Ружье болталось у него за спиной, но в руках старик держал пистолет.

Он остановился отдохнуть только раз, когда упал, споткнувшись о корневиче. В горячке старик хотел сразу встать, но земля держала его одеревеневшее от усталости тело, как магнит железный гвоздь.

Перевернувшись на спину, он задышал быстро-быстро, держась левой рукой за грудь в области сердца. Над головой старика раскинулся пронзительно голубой небесный шатер с круглой каплей расплавленного золота посередине.

Старик смотрел на солнце, почти не мигая и не шурясь. В этот момент по-весеннему яркое светило показалось ему черной космической дырой...

Немного отдохнув, он перевалил невысокий скалистый гребень и побежал вниз. Там была речная долина, где и начиналась самая настоящая колымская тайга: с высокими деревьями, густыми кустарниками и непуганой дичью, охотиться на которую – одно удовольствие.

Именно там, в таежных дебрях, было спасение. Старик почему-то верил в это.

Ноги уже отказывались ему повиноваться, но железная воля заставляла мышцы сокращаться и совершать нужные движения.

Еще немного, еще несколько шагов... Вот они, заросли, совсем близко. Близко...

Уставшее от долгой жизни сердце уже не стучит, а колотится в груди, словно хочет вырваться наружу. В обезумевших глазах мерцают радужные круги.

Может, остановиться и передохнуть?

Нет-нет! Ни в коем случае! Где-то неподалеку, в засаде, таится смерть. Старик это не предполагал. Он знал...

Звук выстрела старик не услышал. Он просто понял, что умирает. Ужасная боль, взорвавшая грудную клетку, продолжалась долю секунды. А потом она превратилась в сладостную муку.

Старик показалось, что предсмертная агония длилась целую вечность...

Глава 1

Тревожная осень 1922 года. Северо-восток России. В двух из шести уездов колчаковские войска, в Гижиге – отряд есаула Бочкарева, в Охотске и Аяне – генералы Пепеляев и Ракитин, в Колымском районе – поручик Деревянов...

Бабье лето все еще баловало Колыму в дневные часы прозрачной глубиной небосвода и жаркими солнечными лучами, но поутру холодные росные туманы подолгу застаивались в распадках и поймах рек, зависая рваными клочьями на пожелтевших иголках лиственниц.

Поручик Деревянов, высокий, чуть сутуловатый, с длинными волосатыми руками, которые почти по локти выглядывали из рукавов потертого американского френча, зябко передернул плечами, нервно зевнул и хриплым спросонку голосом позвал вестового:

– Христоня! Спишь, с-сукин сын!

– Никак нет, вашскородие! Здеси я...

На ходу подвязывая узеньким сыромятным ремешком выдавшие виды казацкие шаровары, из густого подлеска выскочил кряжистый Христоня.

Изо всех сил стараясь придать опухшему с глубокого похмелья лицу приличествующее моменту выражение бодрости и готовности выполнять приказы, он подбежал к Деревянову, вытянулся в струнку и принялся преданно «есть» начальство глазами, поблекшими от постоянных возлияний до голубовато-сивушного цвета.

– Как стоишь?!

Поручик не сильно ткнул вестового кулаком в живот.

– Обленился... мать твою. Приготовь чай.

– Слушаюсь! – Христоня хитровато сощурил глаза. – А может, енто, того...

И он выразительно поскреб пятерней давно небритую шею.

– Поговори у меня! – рявкнул Деревянов. – Р-разболтался...

Лагерь просыпался.

Досадливо морщась при виде своих солдат, обмундированных настолько разношерстно, что их можно было принять за кого угодно, только не за воинов-освободителей от большевистской заразы, Деревянов торопливо пересек длинную, узкую поляну и с размаху пнул покосившуюся дверь приземистой хижины.

Здесь разместился его начальник штаба и по совместительству начальник контрразведки, бывший жандармский ротмистр Кукольников.

– Нельзя ли поосторожней... – недовольно поморщился Кукольников.

Он, как всегда, был гладко выбрит и аккуратно причесан. Но самое удивительное: от ротмистра разило дорогим французским одеколоном. Где он достал парфюмерию в этой глухомани, для Деревянова было загадкой.

– М-м... – невразумительно промычал Деревянов, усаживаясь напротив.

Кукольников вызывал у него противоречивые чувства.

Как кадровый русский офицер, он презирал полуштатских ищеек из Жандармского корпуса. Несмотря на то, что ему волею обстоятельств пришлось связать свою судьбу с жандармом, Деревянов так и не смог до конца побороть в душе неприязнь к Кукольникову. Но в то же время он восхищался его необычайной работоспособностью, выносливостью и хладнокровием. И даже побаивался.

Когда невозмутимый и неулыбчивый Кукольников изредка поднимал от бумаг восково-желтое, с пятнами редких веснушек лицо, и его темно-коричневые глаза на какой-то миг ловили взгляд поручика, тому казалось, что сотни невидимых иголок впиваются в кожу.

В такие моменты Деревянов терялся и чувствовал себя не в своей тарелке. Кукольников был жесток к врагам и беспринципен. Иногда поручику казалось, что жандармский ротмистр примкнул к Белому движению только ради удовлетворения своих садистских наклонностей.

– Ну что там у вас... кгм... новенького? – спросил Деревянов.

И зашарил по карманам в поисках табакерки.

– Все то же, – коротко бросил Кукольников.

Он что-то торопливо записывал бисерным почерком в свою неизменную записную книжку в переплете тисненой кожи. Ротмистр всегда держал ее при себе, и поручику очень хотелось прочесть его записи. Это было детское желание, но Деревянов ничего не мог с собой поделать.

– Впрочем, каюсь, есть... кое-что, – какое-то мгновение поколебавшись, сказал ротмистр, не глядя на Деревянова.

Он нагнулся и вытащил из небольшого сундучка, служившего ему походным сейфом, кожаный мешочек, туго схваченный завязками.

– Вот, прошу-с...

Подозрительно поглядывая на безукоризненный пробор Кукольникова (тот снова принялся за свою записную книжку), Деревянов, распустив плетеный кожаный шнурок-завязку, вытряхнул содержимое мешочка на стол. И застыл, ошеломленный: на шершавых нестроганных досках грубо сколоченного стола маслянисто желтели крупные золотые самородки!

– Г-где?.. К-как?.. – с трудом ворочая языком, спросил пораженный до глубины души Деревянов.

И умолк, не в силах оторвать взгляда от невзрачных на вид, но поистине бесценных металлических кусочков.

– Бирюлев! – позвал Кукольников. – Давай сюда голодранца.

Он закрыл записную книжку и ледяным взглядом уставился на дверной проем.

Скрипнула дверь, и помощник ротмистра, тоже из бывших жандармов, сухопарый Бирюлев, втолкнул в избушку невысокого черноволосого мужичка в изодранной заячьей безрукавке, под которой виднелась застиранная до дыр рубаха голубого ситца в ржавых пятнах крови.

Ступив два шага к столу на негнущихся кривоватых ногах, мужичок мягко завалился на чисто выметенный пол. Похоже, он потерял сознание.

Кукольников брезгливо кивнул Бирюлеву:

– Подними. Перестарался... черт тебя дери.

– Прикидывается...

Злобно оскалившись, Бирюлев встряхнул мужичонку за шиворот.

– Стой смирно, стер-рвец! – рявкнул он.

Мужичок стоял, шатаясь, и глядел на Кукольникова, в котором признал большого начальника, обезумевшими со страху глазами.

– Ну? – забарабанил по столу тонкими пальцами Кукольников.

– Не признается, – потупился под взглядом ротмистра Бирюлев.

– Та-ак... Работать разучились? Ладно, иди.

Бирюлев поторопился покинуть избушку. Он был давно знаком с ротмистром, а потому знал, что, когда Кукольников гневается, с ним лучше не спорить.

– Нуте-с, милейший, – обратился ротмистр к мужичку, – что прикажете с вами делать?

– Господин начальник, Христом Богом прошу – отпустите!

Мужичок, как подкошенный, рухнул на колени перед бывшим жандармом.

– Я все сказал, верьте мне! Только Макарка знает эти места. Он меня туда водил. Не найду я без него. Не губите невинную ду-у-шу-у...

Мужичок жалобно взвыл, елозя жидкой бороденкой по начищенным до блеска сапогам ротмистра.

– Как зовут? – резко спросил Кукольников.

– Бориска я, Бориска, – заторопился мужичок.

И с тоскливой надеждой попытался заглянуть в глаза бывшему жандарму.

– Точнее! – властно приказал ротмистр, недобро глянув на мужичка.

Тот отшатнулся под его взглядом, будто увидел приготовившуюся к броску змею.

– С-сафи, Сафи Шафигуллин... – выдавил Бориска.

Он заикался и дрожал всем телом.

– Татарин? Нехристь, а Христом Богом клянешься.

– Крещеный я, вот...

Бориска-Сафи начал торопливо креститься.

– Крест носишь?

– В тайге... потерял.

Бориска безнадежно склонил голову. Из его глаз сами собой потекли слезы. Похоже, он начал прощаться с жизнью.

– Понятно... – сказал Кукольников брезгливым тоном. – Поди, врешь, сволочь. Кто такой Макарка?

– Макар Медов, якут.

– Где он живет?

– В Гадле... далеко отсюда. Только Макара трудно застать на месте. В летний сезон он пропадает в тайге.

– Кто еще может провести в те места?

– Не знаю. Разве что Колыннах... Живет там же. Только шибко старый он.

– Ничего. У нас помолодеет, – хищно покривил тонкие губы Кукольников. – Бирюлев! Накормить. И пусть отдыхает...

Христоня принес закопченный чайник. Пили чай вприкуску, молча, избегая смотреть в глаза друг другу.

У Деревянова слегка дрожали руки. Кукольников внешне казался спокойным, только еле приметные глазу пятна лихорадочного румянца испещрили тугие скулы.

После чаепития по обоюдному согласию пошли к реке, подальше от любопытных глаз и ушей.

Долго молчали, с деланным усердием проверяя поставленные с вечера удочки-донки на налима. Это была единственная страсть, в какой-то мере сближавшая такие разные натуры.

Первым не выдержал затянувшейся игры в молчанку Деревянов.

– К черту!

Он со злостью отшвырнул в сторону банку с мальками для наживки и полез в карман за портсигаром.

– Покурим...

Несколько раз глубоко затянувшись, Деревянов с неожиданной вежливостью спросил:

– Что надумали, ваше благородие?

Кукольников сосредоточенно набивал папироску душистым турецким табаком, изрядный запас которого выменял на пушнину еще во Владивостоке у американского коммерсанта. Деревянов, который курил какую-то китайскую гадость, только вздыхал, с вождением вдыхая ароматный дым турецкого табака. И втихомолку злился. Но просить ротмистра поделиться куревом принципиально не хотел. А сам Кукольников успешно делал вид, что не понимает, о чем думает поручик, когда наступало время перекура.

Ротмистр не торопясь закурил, задумчиво выпустил несколько дымных колец и усталым бесцветным голосом сказал:

– Бежать нужно, поручик, бежать.

– Как... бежать? – поперхнулся дымом от неожиданности Деревянов.

- Ножками. И не как, а куда, вот в чем вопрос. И с чем.
- Не понял, – с угрозой выдохнул поручик, багровея.
- Да будет вам, Деревянов...

Бывший жандармский ротмистр с нескрываемым пренебрежением выпустил в сторону поручика дымное кольцо.

– Чай, не в лапту играем, – сказал он несколько раздраженно. – Все, кончилась «великая и неделимая». Атаман Семенов – тупица. Поставить на него может только законченный идиот. Японцы? Игра в дипломатию! Его высокопревосходительство командующий японскими экспедиционными войсками генерал Маримото признали-с правительство Семенова. Ха-ха-ха! Калиф на час, очередной экспромт! Желтомордые решили под шумок отхватить себе кусочек пожирнее. Да как бы не подавились. Американцы тоже не промах, туда же метят. Передерутся друг с другом союзнички да и уберутся восвояси, несолоно хлебавши. И какое им дело, поручик, до нас с вами?

Кукольников, гипнотизируя вконец растерявшегося Деревянова своими змеиными глазами, высказывал накопившееся:

– ...Вандерлипп, миллионер американский, Камчатку приезжал у Советов покупать. Это у япошек-то под носом! Да плевать им на наши идеи! Торговать Россией оптом и в розницу – вот что у них на уме. Все остальное – не более чем красивые словеса. Не-ет, господин поручик, песенка наша спета. По крайней мере, сейчас. Дай бог ноги да счастье за пазухой, чтобы не попасть на мушку какому-нибудь голодранцу-большевику.

Ротмистр судорожно сжал кулаки, скрипнул зубами. Только теперь Деревянов наконец осмыслил до конца задумку бывшего жандарма.

«Гад! Ну, гад! Бежать вздумал. Россию... коту под хвост, жандармская морда...» Его рука непроизвольно потянулась к кобуре.

И застыла на полдороги: глаза Кукольникова наполнились злобой, нервный тик покривил узкие губы, длинные пальцы беспокойно зашевелились.

«А золото?!» – вдруг обожгла душу Деревянова новая мысль.

Поручик медленно опустил руку, тряхнул головой, прогоняя навязчивое видение золотых самородков, рассыпанных по столу.

Золото... Золото!

Одному ему туда не добраться – колымская тайга шутить не любит. Да и стрелял Кукольников отменно. Его врасплох нехватишь.

«Что ж, придется повременить для пользы дела... господин жандарм. Я тебе еще припомню “великую и неделимую”», – подумал Деревянов.

И натянуто улыбнулся ротмистру. Тот облегченно вздохнул и присел рядом, чтобы обсудить задуманное...

Через два дня, ранним утром, колымский старатель Сафи Шафигуллин, по прозвищу Бориска, бежал из-под стражи. Разыскать его не удалось.

В начале февраля 1923 года есаул Бочкарев, к тому времени ходивший в звании полковника по милости белогвардейского правительства Меркулова, предпринял попытку через Марково выйти к Средне- или Нижнеколымску и соединиться с отрядом Деревянова.

23 февраля штаб Охотско-Камчатской военной экспедиции телеграфировал в Анадырь:

«...Первое. Срочно произведите концентрацию в районе Марково достаточного количества сил для задержания отступающих банд.

Второе. Ни в коем случае не давать возможности белым бежать за границу.

Третье. О принятых мерах донесите...»

13 апреля 1923 года банда Бочкарева во главе с есаулом и его помощником генерал-майором Поляковым была ликвидирована.

Кольцо окружения вокруг отряда поручика Дервянова замкнулось.

Глава 2

Старший оперативный уполномоченный уголовного розыска капитан Савин был расстроен и зол. Во-первых, долгожданный отпуск на побережье Черного моря был испорчен ливневыми дождями. Во-вторых, ему пришлось почти сутки прослоняться по аэропорту в ожидании летной погоды. А в-третьих, по приезде домой его лучший друг, начальник угрозыска майор Саша Кудрявцев, преподнес «сюрприз» – спихнул ему отдел в связи с длительной служебной командировкой в Чечню, а заодно и дело № 108/51К, будь оно неладно.

Савин поморщился при виде тощей казенной папки, будто ему на зуб попало что-то очень кислое.

Нельзя сказать, что капитан не соскучился по работе. Долг есть долг. Назвался груздем – полезай в кузовок.

Но Савин чувствовал, что ему предстояло распутывать практически заведомо «дохлое» дело (а если честно, то в этом он почти не сомневался, исходя из личного опыта).

Это предположение будило в нем органическое отвращение и к Сашкиному кабинету, который казался вызывающе просторным по сравнению с его комнатухой (где кроме капитана ютились еще два сотрудника), и к идеально гладкой полировке письменного стола, на котором лежала тощая папка с данными предварительного следствия.

Савин нехотя раскрыл папку. И, наверное, в четвертый раз перечитал довольно скудные исходные данные: протокол осмотра места происшествия, свидетельские показания и прочая.

«...Охотники Рябов Н.Ф. и Синецын Л.В. в верховьях ручья Горбылях обнаружили обглоданный таежными хищниками труп. Документы отсутствуют. Опись вещей...»

Заключение экспертов:

«...Потерпевший – мужчина, рост 175–177 см, волосы на голове седые, возраст примерно 70–75 лет. Убит выстрелом из охотничьего гладкоствольного ружья. Пуля самодельная...»

Фотографии места происшествия, карта местности...

Да-а, глухомань даже по колымским меркам. Ближайший населенный пункт – поселок городского типа С. в 120 километрах.

С другой стороны, примерно в десяти километрах – хребет, практически непроходимый горный массив.

Дороги – автомобильная трасса в четырнадцати километрах от поселка и зимник в полусотне километров от места происшествия.

По предположениям экспертов, потерпевший убит примерно год назад, скорее всего, ранней весной. (А если два или три года назад? Догадки, что мыльные пузыри. Вечная мерзлота и не такие сюрпризы преподносит).

Шел от автомобильной трассы?

Ну, это, допустим, довольно сомнительно: два перевала, река, мари, ручьи, тайга – тут молодому и выносливому впору дать обратный ход в самом начале пути, не то что пожилому, пусть и довольно крепкому человеку.

Значит, у старика была веская причина заняться экстремальным туризмом. Дань моде? Не исключено, однако вряд ли.

Это у нынешней молодежи не хватает перца в крови, вот и выдумывают городские приключения, и те, у кого денег немерено, разнообразные и отнюдь не безопасные приключения на свою задницу.

Впрочем, покойник мог быть не городским жителем, а старым таежником, охотником. Такие деды и молодым фору дадут.

Однако было одно «но»: таежные охотники практически никогда не удаляются на большие расстояния от своих зимовий. Максимум на один дневной переход, что составляет примерно двадцать километров.

А охотничьих избушек в этом районе нет и в помине. Уж больно глухие, гиблые места.

Выходит, старик – не охотник? Скорее всего, ведь ни ружья, ни патронов возле трупа не нашли. Не говоря уже о документах – в карманах куртки не оказалось ни единой бумажки, которая помогла бы идентифицировать его личность.

Кто он? Может, бывший ээк, который приехал на Колыму, чтобы вспомнить молодость? Такое случалось.

Но лагеря были расположены в основном вдоль Колымской трассы, а до нее от места происхождения не менее ста верст.

Нет, у погибшего была какая-то цель! Что-то очень важное, из-за чего он рискнул отправиться в такое опасное путешествие.

А почему в единственном числе? Может, старик путешествовал в компании... или вдвоем. Ведь кто-то же его грохнул. На самоубийцу он не похож. Не похож?

Опять-таки, чтобы убить человека, не нужно тащить его за тридевять земель. Напарник (или напарники) старика мог это сделать гораздо ближе от обжитых мест.

Что-то не поделили?

Если это так, то явно не шкуру неубитого медведя, а, скорее всего, золотишко. Его в этих местах хватает, так же, как и свободных – «диких» – старателей, моющих драгоценный металл на свой страх и риск.

Правда, в той местности, где был найден скелет старика, золотоносных месторождений как будто не наблюдалось. Если, конечно, судить по справке областного управления геологии.

И все-таки как старик добрался в этот медвежий угол? В век технического прогресса почему-то не очень верилось, что на своих двоих...

Итак, вариант первый: он мог долететь туда на вертолете.

Дорого, но быстро. Нужно проверить маршруты. Задача, которую не решишь и за месяц.

А если учесть, что пилоты «вертушек» нередко левачат, забрасывая сановных охотников и братву на охоту в дикие места, то она и вовсе не имеет решения.

Вариант второй: вездеходы старательских артелей и прииска поселка С.

Чтобы опросить бесшабашных старателей и чтобы они были искренни в своих ответах, нужно десять ящиков водки – как минимум. При его мизерной зарплате это нереально.

Хотя... чем черт не шутит, вдруг кто-нибудь отвяжет язык по доброй воле. Любая тайна вызывает нездоровый зуд, от которого хочется побыстрее освободиться. Тем более, если тайна не твоя, а чужая.

Вариант третий: покойник сплавился по реке. Измерим расстояние по карте... Вполне может быть. Сплавлился на плоту?

Вряд ли. Он человек в годах, а для того, чтобы править плотом на стремнинах, нужны крепкие руки и хорошее здоровье.

С лодкой тоже немало проблем, даже если она и с мотором. Река коварна и непредсказуема. Всплывет топляк по курсу лодки – и пиши пропало. Вода в реке ледяная. Пока доплывешь до берега, кондрашка хватит. Молодой закаленный парень свободно может загнуться, а что говорить про старика...

Опять-таки нужно опрашивать местное население. Поселков по реке немного, но мимо них проскочить незаметно трудно, чтобы не сказать – невозможно.

Возле реки в любое время дня и ночи местные ошиваются – или рыбачат, или пикник затеют, или просто ваньку валяют, бросая камешки в воду. Запишем...

Вариант четвертый: топал своими ногами. Он наиболее вероятный, если была причина пробраться в этот район незамеченным.

Идти по тайге очень трудно, особенно человеку городскому. Но будем считать, что покойник – старый колымчанин, охотник, таежный следопыт.

Проверить, не исчез ли кто-нибудь из стариков за этот период.

Вариант пятый...

Стоп!

Пока хватит. И на первые четыре нужно пахать сутками, без сна и отдыха, что совершенно нереально. У него кроме этого дела есть еще два десятка, правда, без скелетов.

Конечно, над ними работают и другие оперативники, но он ведь заменяет начальника угрозыска. Так что все разработки должны быть у него на контроле.

Следующее – фоторобот.

Увы и ах! Судя по всему, росوماха постаралась – кости черепа изломаны, даже раскрошены. Так что ни о каком компьютерном изображении и речи не может быть.

Правда, есть маленькая зацепочка – нижняя вставная челюсть. Золото... Довольно скромно. А вдруг?

Проверить протезистов. Идея... Срочно на дополнительную экспертизу. Это, чтобы экспертам жизнь медом не казалась.

Так, далее. Это уже кое-что... Осколочное ранение. Левая нога.

Прихрамывал? Возможно. Вот тебе факт. Хромому и увечному в тайге вообще делать нечего. Разве что грибы и ягоды вблизи поселка собирать.

Думай, дорогой, думай! Запишем...

Что еще? Одежда и обувь. Ключочки-пуговицы.

Хорошо, что резиновые болотные сапоги росوماхе не пришлись по вкусу. Штормовка (между прочим, не самопальная, фирменная, таких в нашем районе не видывал), свитер ручной вязки, брюки...

Ладно, бельишко пока оставим. Перечень вещей, обнаруженных у потерпевшего... М-да, тут призадумался.

Часы фирмы «Пауль Бурэ», серебряные, с боем.

Мечта, кто понимает. Почистить механизм, положить в жилетный карман – и к девкам на свидание. Шик.

Портсигар с вмонтированной бензиновой зажигалкой. Немецкий, довоенный. Большая редкость. В неплохом состоянии. Трофейный?

Лупа в латунной оправе (а это еще зачем?) с литой рукояткой, на которой изображены всякие зверушки и растительный орнамент.

Антиквариат. Сомнительно, чтобы такую вещь имел житель Колымы, проживающий в глубинке.

Тут все люди временные (или считают себя таковыми), а потому ценные предметы обычно держат на «материке». А лупа, судя по всему, стоит немало.

Старинное кожаное портмоне с массивной серебряной застежкой и каким-то гербом; что изображено – разобрать трудно.

Еще один камешек в огород экспертам... Ставим птичку.

Платиновое колечко. И тоже старинное. На внутреннем ободке едва просматривается гравировка. Отдадим науке... Все.

Постой-постой, дружище, вот еще клочок целлофана, найденный в кармане штормовки. Не бог весть что, но и это отправим шефу экспертов КаВэ Мышкину. Вот это уже точно – все.

Не густо.

Темно.

Пустота.

Нельзя сказать, что абсолютный нуль, но близко к этому. По крайней мере, в голове...

А шеф, между прочим, уже справлялся. Ему сроки подавай, а тут не до жиру, быть бы живу.

Понятно, что шефу лишний «висяк» ни к чему. Их и так хватает. То бандитская разборка с трупами, то кого-нибудь на «заказ» оформят со всеми вытекающими из этого последствиями, то утечка золота на прииске обнаружится.

А тут еще этот скелет... дедушки Мазая нарисовался, чтоб ему было пусто.

Ну лежал бы себе в тайге до Судного дня – и лады. Там бы разобрались, по какой причине он в таежную глухомань забрел, как зовут, кто нашпиговал его свинцом по самое некуда...

И вообще – не хрена за зайцами бегать в таком возрасте!

Ага, звонят...

Опять шеф?!

– Савин у телефона... Наташа? Конечно, узнал! Когда приехал? Вчера, поздним вечером. Почему не объявился? Да понимаешь, устал с дороги, а с утра дела... (Ах, как умненько, болван!). Нет-нет! Ну что ты. Вспоминал. Каждый день. Почему только одно письмо? Наташенька, ну о чем писать-то: море, пляж, дожди – скука... Звонил. Сколько раз – не помню, но звонил. Почему не дозвонился? Линия перегружена. Ты-то знаешь, как в наши края... Ей-богу, звонил! Вот те крест! Наташа, Наташа, алло! Алло!

Приплыл, огорченно думал упавший духом капитан. Две недели исправительного срока – это как пить дать. Эх, Савин, Савин... Экий ты болван. Что ж тебе так с женщинами не везет?

Ну почему они так категоричны? Мужчина может быть только хороший или только плохой. И точка.

А если я средний! Самый что ни есть обычный. С полным набором мужских причуд и недостатков.

И, кстати, письма писать не люблю, не умею... – и вообще, кто дал Наташке право разговаривать со мной таким тоном?! Подождала бы записи в паспорте, что ли.

Жена, судя по опыту друзей, для того и создана, чтобы учить мужа, как нужно жить. Там не сядь, туда не стань, с тем не дружи, в ту сторону не смотри, зарплату – до копеечки, после работы – домой...

Думай, Савин, думай!

А что думать? Вон лежит на столе папочка, любовь ненаглядная (и, судя по всему, весьма продолжительная). Да-а, любовь... И к тому же пока безответная.

А к Наташке зайду, решил он не без внутреннего трепета.

Сегодня же. Вечером.

Упаду на колени.

Простит?..

Глава 3

Тайга дышала вечерней прохладой. Солнце лениво скатывалось за дальние сопки, уступая место прозрачным сумеркам. Короткая летняя ночь исподволь выползала из распадков на речной плёс.

Небольшой костерок выпускал дымные клубы навстречу легкому ветерку, изредка залетавшему сквозь густой частокол листвяка на речную отмель.

У костра сидели двое: старый якут Макар Медов, щуплый, но все еще быстрый в движениях, и широкоплечий бородатый мужчина с обветренным загорелым лицом таежного скитальца.

Макар энергично помешивал окоренной веткой наваристую уху в закопченном котелке, а бородач чистил новенький винчестер.

Якут изредка поглядывал с легкой завистью в сторону бородача, который сноровисто орудовал шомполом. И потихоньку вздыхал, щурясь, когда его взгляд останавливался на своей выдавшей виды берданке, неразлучной спутнице каюра-охотника, висевшей на корневище вывороченной паводком лесины.

– Ц-ц-ц...

Макар зацокал языком, не сумев удержать восхищения, когда мелодично звякнул хорошо смазанный затвор винчестера.

– Хорошо... – сказал он с завистью. – Мериканка новый. Шибко хорошо. Много денег, однако, стоит...

Якут тяжело вздохнул.

– Доведешь до места, получишь винчестер в подарок, – сказал бородач.

– Ай, тойон!¹ Хана барда?² Дорога нету. Кушать нету. Тойон пропадай, Макарка пропадай.

– Да не тойон я, Макар. Зови меня Владимиром. Мы ведь с тобой договорились.

– Ла-ди-мир... Ла-ди-мир...

Макар даже побагровел от натуги, пытаясь правильно выговаривать имя бородача.

– Уф-ф! Шибко тяжело, однако...

Он виновато улыбнулся.

Из котелка плеснуло в костер; ароматный пар приятно защекотал ноздри изголодавшихся путников, и вскоре оба усердно орудовали самодельными деревянными ложками, изредка смахивая обильный пот со щек.

– Хлебца бы... – сказал бородач.

Он хмуро взглянул на тощий вещмешок, где хранились остатки муки – фунтов сорок, не больше.

– Симбир...³ – ответил Макар.

Он выловил из котла кусок налимьей печенки и от блаженства сощурил свои и так узкие глаза.

– Мясо кушай, рыба кушай, ягода кушай – помирай нету.

– Я русский, Макарка. А у русских хлеб – всему голова. Без хлеба сыт не будешь, – вздохнул бородач. – Сейчас бы ржаного, с корочкой, из русской печи... Эх! Помирать буду – вспомню.

¹ Тойон – начальник (*якут.*).

² Хана барда – Куда пойдем (*якут.*).

³ Симбир – Все равно (*якут.*).

– Зачем помирай? Нюча⁴ улахан⁵, крепкий, однако. Много живи надо...

Чай пили далеко за полночь. Река закуталась в легкий туман, блеклые звезды робко выглядывали из серых туч, – они неторопливо обволакивали ночное небо.

– Дождь, однако, будет, – тревожился Макар.

– Поживем – увидим... – смачно прихлебывал крепкий чай бородач. – Не раскиснем. Не впервой.

– Чай кут⁶, – протянул кружку Макар. – Ла-ди-мир...

Не спалось. Терпкий запах стланика (его ветки служили ему в эту ночь постелью) разбудил глубоко упрятанные в тайниках души воспоминания...

Сосновый бор, прелестный летний день. На лужайке трава, как дорогой персидский ковер, – густая, шелковистая, в узорочье цветов.

Аромат разогретой жаркими солнечными лучами живицы.

До солнца рукой подать; оно запуталось среди зеленых иголок, на какое-то время покинув свою голубую небесную обитель.

Пикник, море шампанского, веселые друзья-офицеры и шикарные юные дамы, затеявшие игру в пятнашки.

Он объезжает коня, подаренного ему матерью. Это траккененский вороной жеребец, полукровка, резвый и горячий сверх всякой меры.

«Вольдемар! Душка, где вы? Ау-у!»

Графиня Дашкова. Она мила, обворожительна и чересчур настойчива. Большая любительница флирта и верховой езды.

«Мон шер, куда вы запропастились? – заворковала графиня, томно вздыхая и похлопывая узкой ладошкой по мускулистой шее буланой кобылки англо-арабских кровей – последний крик моды в высшем свете. – Мы ждем вас уже битый час. Нехорошо, – кокетливо погрозила она пальчиком. – Дамы скучают».

А он врос в седло, оцепенел, не в силах оторвать взгляд от лица девушки, которая старалась совладать со своей норовистой лошадкой – золотистым карабахом-когланом, из-за близорукости, присущей этой породе, очень пугливой и нервной.

«Боже мой, я... я, кажется, сейчас сойду с ума! Она прекрасна! Как фея из сказок...»

С ним творилось что-то непонятное; он не владел ни своими эмоциями, ни своим телом – будто его околдовали.

«Граф, что с вами? Вы меня не слушаете?» – капризно надула губы Дашкова.

И вдруг поскучилась, нахмурилась – женская интуиция приоткрыла ей тайну странного поведения бравого кавалергарда.

«Ах, да, пардон, вы незнакомы, – небрежно, с холодком, кивнула графиня в сторону своей попутчицы. – Моя подруга Малахова. Из провинции... Ну, пшла!...» – Она зло хлестнула кобылу...

«Венчается раб Божий Владими-и-и-р и раба Божья Александра-а-а...»

Густой бас протоиерея волнами накатывался на раззолоченную толпу, запрудившую собор, и, отражаясь дробным эхом от массивных каменных стен, таял под расписным куполом.

«...Вы согласны взять мужем раба божьего Владимира?»

И гулкое эхо повторило многократно: «Согласна, согласна, согласна...»

Ноябрь 1913 года.

⁴ Нюча – русский (*якут.*).

⁵ Улахан – большой (*якут.*).

⁶ Чай кут – чаю налей (*якут.*).

Тяжелый густой туман, снежное крошево в волнах Невы, обледеневшие мосты. Печальные фонари Дворцовой площади кажутся маяками, а редкие экипажи, неспешно плывущие по туманному морю, напоминают полузатонувшие корабли, оставленными командами на милость волн.

Раннее утро, серое и почему-то тоскливое.

И строгий взгляд седого генерала Генерального штаба, сухо чеканящего фразы:

«...Вам предписывается по получении соответствующих инструкций немедленно отправиться во Францию в распоряжение военного агента графа Игнатьева. С Богом!»

Париж. О, Париж...

Город беззаботных бонвиванов⁷, продажной любви, высокой моды и дорогих ресторанов, в которых за ночь можно прокутить целое состояние.

Феерия красок, иллюминация, балы, приемы.

Модные шансонье нежно и проникновенно воркуют с подмостков: «Лямур-р, лямур-р...»

Небывалый подъем патриотизма.

Трехцветный французский флаг гордо полощется над ратушей, у входа в здание Парижской оперы, пестрит с обложек журналов, приколот к лацканам мужских фраков и к шляпам дам.

«Последние новости, последние новости! Император Вильгельм отбыл на курорт!»

На Монмартре столпотворение в любое время дня и ночи. Последние месяцы, недели, дни мира...

«Поздравляю Вас сыном...» Срочная телеграмма.

Упоительная нежность, умиление, безграничная радость, ностальгия по России. «Милая Александра, Сашенька, где ты? Как ты там? Как сын?»

Сын, наследник...

1914 год, первые дни января.

Гадалки и астрологи словно взбесились, наперебой предрекая человечеству неисчислимые беды, голод, мор и падение большого метеорита.

Покушение в Сараево на эрцгерцога Фердинанда.

Лето, июль месяц. Австро-Венгрия под прямым давлением Германии объявила войну Сербии.

Спустя несколько дней Германия начала военные действия против России.

Наступление русских войск в Восточной Пруссии. Командировка на фронт. Русский экспедиционный корпус во Франции.

Ранение во время Марнского сражения, госпиталь в монастыре бернардинок.

В конце декабря четырнадцатого года, как раз под Новый год, его отправили в краткосрочный отпуск – чтобы поправить здоровье.

Россия. Белая, заснеженная, в бриллиантовых блестках инея, – словно только что сошла с новой рождественской открытки.

Заставы, перекладные, унылые полупьяные ямщики, глухой надтреснутый звон колоколов, снежные заносы.

И серые лежалые шинели со складов Главного интендантского управления Его Императорского Величества, дождавшиеся своего часа и запрудившие перроны вокзалов.

Праздничный Питер. Залитый огнями Невский проспект. Массовые гуляния, фейерверки.

Полночь.

⁷ Бонвиван – человек, любящий жить в свое удовольствие, богато и безопасно; кутила, весельчак (фр.).

В ресторанах играет музыка, пьяного купчишку, побившего зеркала, выбросили на мостовую. Все, как было раньше. О войне напоминают лишь вооруженные патрули.

Крепкий морозец обжигает скулы, забирается под мундир. Выпито много, но хмель уже выветрился.

«Господин военный, вам не скучно?» – «Господин хороший, ну куда же вы, идите к нам. Ха-ха-ха!»

Это резвятся курсистки или дамы полусвета.

К черту! Всех к черту! Забыться, раствориться в темноте, излить свою боль, свою горечь... Кому? И зачем?

Все!

Все кончено...

Военно-полевой суд.

Отупляющее безразличие, каменные скулы, невидящий взгляд.

«...И лишил жизни барона фон Типпельскирха посредством двух выстрелов из огнестрельного оружия, сиречь пистолета системы “браунинг”».

Скрипучий вьедливый голос судьи с трудом пробился сквозь глухие стены подсознания, и стон вырывается из груди помимо его воли:

«Ах, Александра! Что же ты натворила?! Я не сожалею ни о чем, я убил бы его снова. Он ласкал твои волосы, целовал твои губы, твои глаза... Твои глаза! Как ты могла?! Я не проклиная тебя, у меня нет ненависти к тебе, но моя любовь угасла, осыпалась пеплом на сердце. А огонь в груди горит. Адский огонь! Он горит, выжигая незаживающие раны...»

Молитвами и помощью святого старца Григория Распутина смертную казнь заменили каторгой – императрица лично соизволила поинтересоваться судьбой боевого офицера.

Имение матери, вопреки настоятельным просьбам сына обивавшей пороги приемных великого князя, сенаторов и кельи Распутина, пополнило реестр приобретений бывшего конокрада Гришки.

«Посторонись! Ходу наддай!»

Клак, клак, клак...

Вереница кандалников, угрюмых, обросших, выползает на Сибирский тракт с очередной ночлежки – полуразваленного барака на семи ветрах – и исчезает в густом тумане.

Его пристроили на одну из повозок. В дороге открылась не до конца зажившая рана, и вахмистр, начальник конвоя, снизошел к страданиям неразговорчивого «полублагородия», как окрестили опального графа конвоиры...

По весне, вместе с тремя товарищами, он бежал из подземного рудника – перспективе сгнить заживо в душных и смрадных норах предпочел смерть на воле.

По совету более опытного политкаторжанина Василия Петухова они бежали по звериным тропам, в глухомань, к далекому и страшному своей неизвестностью Северо-Восточному морю.

Оттуда беглецы хотели перебраться в Америку, а затем вернуться в Россию. Там назревали события, в которых его товарищи по побегу мечтали непременно принять участие.

И только ему было безразлично, куда бежать, – кто его ждал в России? Лишь бы подальше от отупляющего животного существования.

Дошли он и Василий, коренной уралец.

Два их товарища не выдержали тягот пути: один, больной туберкулезом, чтобы не быть обузой остальным, ушел ночью с привала в лесную чащобу, где его и разыскали после двухдневных поисков, холодного и недвижимого; второго подвело сердце.

Василий нанялся матросом на американскую торговую шхуну фирмы «Свенсон и К°».

А он остался на Колыме – пусть окраина, но все же земли Русской...

К утру, как это иногда бывает в колымской тайге даже среди лета, пошел снег, теплый и пушистый.

Глава 4

– Поручик, послушайте... – Кукольников теребил за плечо Дервянова.

– Ну что там еще? – сонным голосом спросил Дервянов.

Он проснулся и тяжело заворочался на оленьих шкурах, сваленных в углу избышки.

– Дурные вести, – коротко ответил ротмистр.

– А когда были хорошие?

Дервянов наконец выкарабкался из-под мехового одеяла и зашарил вокруг себя в поисках торбасов.

– Христоня! – позвал он вестового. – Христоня, мать твою, ты где?

– Туточки я...

Христоня не вошел, а ввалился в избышку.

От него разило, как из пивной бочки. Придерживаясь за дверной косяк, он хмуро уставился на поручика.

– Надобно чаво? – спросил вестовой и неожиданно икнул.

– Торбаса подай.

– Да они ж, енто, перед вами.

Казак снова икнул, но уже в ладонь.

– Ладно, иди... – закричал Дервянов, пытаясь надеть распаренную в тепле обувь. – Нет, стой! Неси водку!

– Нетути, – с сожалением ответил Христоня. – Ишшо третьего дня, енто, в расход пустили.

– Поищи! – рявкнул Дервянов.

Он вышел из избышки и долго тер лицо сухим морозным снегом.

– Ты еще здесь?! – выверился Дервянов на Христону.

Вестовой, словно утопающий за соломинку, держался обеими руками за дверь.

– Ей-богу, нету, вашскородие, – перекрестил живот Христоня. – Спирт.

– А, черт с тобой, тащи спирт!

– Господин поручик, – официально напомнил о своем присутствии ротмистр Кукольников. – Сегодня, думаю, нужно воздержаться от спиртного. Причина довольно веская.

– Там, – ткнул пальцем Дервянов в заплеванный пол, – не дадут, ротмистр. И на все дурные вести, с вашего позволения, мне чихать. Что там у вас?

– Пепеляев разбит, – ровным, бесстрастным голосом сказал Кукольников, привыкший к черной меланхолии Дервянова. – Ракитин застрелился. Боеприпасы и продукты от Свенсона захватили большевики. Обоз с пушниной и зимним обмундированием якуты-каюры тоже привели к ним.

– Ну!.. – взъярился Дервянов. – Перестреляю всех!

– Поздно, поручик, слишком поздно. По данным разведки, на расстоянии двухнедельного перехода от нас сильный отряд красных. Они направляются в нашу сторону.

– Все. Крышка...

Дервянов грузно ухнул на колченогий табурет и застыл, уставившись невидящим взглядом на Кукольникова.

– Отряду – да... – сказал Кукольников.

Неожиданно ротмистр быстро шагнул к двери и резко рванул ее на себя.

Согбенный Христоня, который стоял, прислонив ухо к двери, буквально впорхнул в избышку, но, зацепившись за порог, едва не грохнулся на пол. При этом казак выронил флягу со спиртом и немудреную закуску.

– Подслушивал? – с угрозой спросил Кукольников.

Зловещая темень холодных глаз бывшего жандарма парализовала обычно разбитного вестового.

Христоня, судорожно зевая открытым ртом, словно рыба, выброшенная на берег, замычал что-то невразумительное.

– Подслушивал... – ответил за него Кукольников.

Он неожиданно резко и точно ударил Христоню в солнечное сплетение, и вестовой беззвучно рухнул на пол.

– Расстрелять мерзавца! – резко сказал Кукольников.

Он брезгливо вытер руку носовым платком.

– Большие уши и длинный язык всегда сокращают путь к праотцам, – добавил бывший жандарм назидательно.

– Господин ротмистр! – зло вскинулся Деревянов. – Здесь пока команду я! Прошу об этом не забывать. За Христоню я ручаюсь.

– Добро... – после недолгого раздумья молвил Кукольников.

Какая-то новая мысль пришла в голову ротмистру, и он рывком поставил обеспамятвшего Христоню на ноги.

– Выйди вон и карауль у входа, – приказал он вестовому. – Никого не пускать.

– Слушаюсь! – прохрипел казак и поторопился исчезнуть.

– Так что, господин поручик, пора... – плотно прикрыв дверь за Христоней, негромко сказал Кукольников, обращаясь к хмурому Деревянову.

– Похоже, что действительно пора... – кивнул тот.

Нагнув голову, до синевы бледный Деревянов зашагал по избушке.

– Возьмем Бирюлева и Христоню, – продолжил ротмистр. – Бирюлев ждет в пяти верстах отсюда. В охотничьем зимовье. Запас продуктов вполне достаточен. Три оленьих упряжки и десяток запасных оленей. Уходим сегодня ночью.

Кукольников словно швырял слова в сторону поручика, бездумно мерившего шагами избушку из угла в угол.

– Проводник?... – поднял глаза на ротмистра Деревянов.

– Проводник под охраной доставлен позавчера. Он находится у Бирюлева.

– Вести согласен?

Кукольников презрительно покривил губы.

– В случае отказа я приказал перестрелять всю его семью, – сказал он жестко. – Это самый надежный способ укрощения строптивых туземцев. Побежал, как молодой.

– Найдут по следам.

– Сомневаюсь. Уйдем через перевал. Путь длиннее, зато надежней. В той стороне нас искать не будут. Прикроем следы снежными лавинами, если метель не поможет.

– Нужно предупредить остальных о приближении отряда красных.

– Зачем?

Кукольников криво ухмыльнулся.

– На алтаре мучеников Белого движения еще достаточно места, – сказал он цинично. – Пусть потреплют большевиков наши господа офицеры. В плен сдаваться им как-то не с руки, наследили немало, такое не прощается. А после боя красным будет не до нас, поручик.

– Но все-таки...

– Уже распорядился, – понял ротмистр Деревянова. – Наши пластуны⁸ в полном составе встретят красных у входа в долину. Так что отряд враглов не застанут...

⁸ Пластуны – в дореволюционном казачьем войске военнослужащие особых пехотных частей, несших сторожевую и разведывательную службу.

Когда трое суток спустя красноармейцы вылавливали прорвавшихся сквозь кольцо оцепления белогвардейцев, на вершине перевала тяжело ухнул взрыв, и снежная лавина, набирая скорость, устремилась в ущелье, заметая следы небольшой группы во главе с поручиком Деряновым.

Глава 5

Костя Мышкин, начальник экспертно-криминалистического отдела милиции, слегка располневший лысоватый блондин, с многозначительным видом тер куском фланели стекла очков.

Савин терпеливо ждал – этот ритуал КаВэ, перед тем, как преподнести очередной сюрприз своих научных экспериментов ошалевшему от недосыпания и суматохи сыскных мероприятий оперативнику, выполнял неукоснительно.

«У-у, инквизитор!» – ругался про себя Савин.

Но виду не подавал, по-прежнему спокойно и выжидающе поглядывая в сторону КаВэ.

– Смотрел я, кхм... – прокашлялся Мышкин, – твои вещдоки. Смотрел...

– Ну ладно, Костя, не томи душу, выкладывай, – взмолился Савин, умильно заглядывая в глаза Мышкину.

Это был последний пункт ритуала, после чего КаВэ опускался с вершин своего научного величия к низам черновой работы угрозыска.

– Кусок целлофана – это остатки пакета из-под московского жареного картофеля. Можно предположить (если, конечно, штормовка не с чужого плеча), что потерпевший – москвич, потому как такой картофель на Колыму не завозится...

КаВэ понесло; он полез не в свои сани, принявшись за составление версий преступления.

(Впрочем, чем черт не шутит – вариант «житель Москвы» и, добавим, «ее окрестностей», не исключен, вынужден был согласиться с ним Савин.)

– Константин Венедиктович!

Савин постарался придать голосу стальные интонации своего начальника, подполковника Седлецкого.

– Мне, между прочим, через час к шефу на ковер. Уяснил? Так что, будь добр, давай по существу.

– Савин, ты хам, но я тебя прощаю, – обиженно сказал Мышкин.

И, уже не фантазируя, продолжил:

– Платиновое кольцо. Проба, вес – все указано в заключении. Прочтешь. Но с гравировкой нам пришлось повозиться. Вот что у нас получилось...

Он положил на стол перед Савиным фотографию. А рядом – еще одну.

– Это, – Мышкин ткнул желтым от химикалий пальцем в глянцевую поверхность фотографии, – гравировка на колечке. А это – тиснение на кожаном портмоне.

«Гр. В. В.-В.». Пять букв. Судя по всему, инициалы владельца вещей, подумал Савин. Владельца ли?

– Думаю, что «Гр.» обозначает граф или графиня. Подтверждением этому предположению служит сей герб на портмоне, – сказал Мышкин.

– С чего ты решил, что он графский?

– В геральдике я не силен, сознаюсь честно, – огорченно покривился Мышкин. – Просто интуиция. А материалов у меня по этому вопросу, увы, нет.

– Ты предлагаешь мне совмещать полезное с приятным?

– То есть?..

– Получается так, что я должен искать преступника, выполняя свои непосредственные обязанности, и изучать каноны геральдики. Так сказать, в порядке самообразования, коль уже твой отдел не в состоянии решить эту проблему, что, кстати, входит в ваши функции, – не удержался Савин от колкости, чтобы немного сбить спесь учености с непробиваемого КаВэ.

И он добился своего. Мышкин сник, засуетился, принялся что-то невразумительно объяснять, доказывать...

– Ладно, химик, с тобой все ясно, – сжалился над ним Савин. – «Гр.» и прочее беру на себя. Что там у тебя на очереди?

– Зубы... – буркнул Мышкин, подозрительно поглядывая на Савина.

– Ну-ну, – заторопил его капитан.

– Зубной протез нижней челюсти, судя по степени износа, изготовлен примерно года два-три назад, – начал Мышкин своим обычным менторским тоном. – Между прочим, высококлассным специалистом – подгонка и обработка идеальны. Но главное заключается не в этом. Золотой сплав, из которого изготовлен протез, в настоящее время не применяется в зубоврачебной практике. Вот его компоненты.

Он протянул Савину распечатанные на лазерном принтере данные.

– Костя, для меня это темный лес, – помахал капитан листком с данными экспресс-анализа. – Что из этого следует?

– Что специалист, изготовивший протез, далеко не молод. И практиковать начал примерно в пятидесятые годы. Об этом говорят техника обработки и химический состав сплава.

– Может, ты и адресок его подскажешь?

– Может быть... – многозначительно сощурился Мышкин. – Но не все сразу.

– Шутишь?

– Только не с тобой, Савин, – отпарировал Мышкин и выудил из папки очередной печатный лист. – А вот здесь сюрприз, Боря. И масса вопросов.

– Спасибо, Костя, их в этом деле и так хватает.

– Извини, не я их тебе задал. Так вот, при осмотре, – весьма тщательном осмотре, подчеркиваю, – уже известного тебе портмоне в одном из отделений нами были обнаружены крупинки золотого песка.

– Эка невидаль на Колыме...

– Не иронизируй, Савин. В том-то и дело, что этот песок и есть один из вопросов, на который тебе придется отвечать. А именно: по данным анализа и картотеки в России, а тем более на Колыме, золотоносное месторождение, откуда взят драгметалл, нигде не значится. То-то!

– Ну, удружил! – схватился за голову Савин. – Вот теперь точно мне крышка. Седлецкий с меня не слезет, пока я не отыщу ему это месторождение. В придачу к стрелку, отправившему на тот свет нашего подопечного.

– Не сомневаюсь, всегда рад вам служить, – церемонно склонил голову Мышкин. – Но и это еще не все.

– Добивай, изверг, – насторожился Савин.

– Серебряная застежка портмоне имела с внутренней стороны гравировку. Она читается довольно отчетливо, правда, с помощью лупы.

– Что там? – почти шепотом спросил Савин.

– «И сказал Господь: “Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую я укажу тебе”».

– Всего-то... – разочарованно вздохнул Савин.

– Савин, попомнишь меня, в этих словах скрыт какой-то смысл. Возможно, ответ на вопросы, над которыми ты сейчас ломаешь голову.

– Не преувеличивай, Костя.

– И не думаю... Все дело в том, уважаемый сыщик, что вышеозначенная гравировка выполнена совсем недавно. От силы два-три года назад. С какой стати? Почему с внутренней стороны застежки? И наконец, почему церковнославянским шрифтом?

– Неисповедимы пути твои, Господи. Аминь. Да мало ли кому что в голову взбредет? Конечно, тебе более привычны выражения типа: «Не забуду мать родную», «Дуся плюс Гриня

– любовь до гроба» и тому подобное. Не скрою – мне тоже. А если портмоне принадлежало какому-либо священнику или верующему? Вполне возможный вариант.

– Эх, Савин, Савин, недооцениваешь науку. Тогда ответь мне на такой вопрос: почему этот «святоша» хранил в портмоне пистолет?

– Как... пистолет?

– А вот так. На сафьяновой подкладке мы обнаружили свежее пятно оружейной смазки, а при более детальном исследовании с помощью специальной аппаратуры получили оттиск, соответствующий пистолету неизвестной системы. Можно предположить, что это дамский «бульдог», а возможно, «браунинг». Уловил?

– Сдаюсь... Все. Добил. Сознаю свои заблуждения. Значит, Богу – Богово, а кесарю – кесарево?

– В яблочко, Савин. Так что, Боря, держи бумаги и во-от здесь распишись в получении.

– Это все?

– Пока да.

– Почему – пока?

– Потому как надеюсь, что и остальные вещи убитого ты передашь в наше временное пользование. Авось что-нибудь еще сыщется.

– Но вы ведь с ними уже работали.

– Плохо работали, Савин, – нахмурился Мышкин. – Плохо. Нужно все перепроверить. Я тут сегодня кое-кого продраил с песочком...

– Небось Лебедянского?

– А кого же еще? Оболтус! День до вечера – и поминай, как звали. От сверхурочной работы бежит, как черт от ладана.

– Да брось ты, Костя. Не наезжай на него. Парень молодой, оботрется, гляди, тебя, старичка, обскачет. Не все сразу.

– Не наш он, Боря, случайный попутчик. Поверь мне. Свое дело нужно любить всеми фибрами души, отдаваться ему до конца без каких-либо скидок. А он...

В этот момент зазвонил телефон.

– Слушаю, Савин. Да... У меня. Сейчас? Есть! Уже бегу...

Капитан положил трубку на рычаги и принялся торопливо собирать разбросанные по столу бумаги.

– Костя, шеф кличет, – сказал он Мышкину. – И тебя тоже...

Глава 6

Узкое и глубокое ущелье хмурилось морщинистыми скалами, испещренными оспинами мха и лишайников.

Лишь у порогов, где широкий и глубокий ручей – скорее небольшая речушка – выплескивал пенные пузыри, скалы раздвигались, и глубокий распадок уходил к дальним сопкам, уже припорошенным первым снегом.

Добротно срубленная избушка с окошком, затянутым хорошо вычиненным сохачьим пузырем, притаилась у входа в распадок.

Сложенная из обломков дикого камня, она выпускала через отверстие в крыше клубы серого дыма. Свиваясь в причудливые спирали, дымное облако медленно поднималось к предутреннему небу, уже окрашенному на востоке оранжевыми красками зари.

Макар Медов стряпал немудреный завтрак – жарил на сковородке серебристых хариусов. Он ловил рыбу в ручье при помощи специальной ловушки, так называемой «морды».

Это нехитрое сооружение представляло собой плетенный из тонкой лозы параллелепипед с двумя небольшими конусообразными отверстиями – на входе и на выходе. Одно из них – на выходе – закрывалось крышкой.

Макар ставил «морду» посреди ручья, перегораживая остальное пространство «крыльями», тоже сплетенными из лозы, напоминающими примитивный забор.

Мигрирующий в верховья ручья хариус, наталкиваясь на крылья, заплывал в ловушку. За сутки таким образом можно было поймать тридцать – сорок жирных рыбин, которые имели удивительно приятный запах свежего огурца.

Часть улова шла на сковородку и в котел, а остальную рыбу Макар вялил – про запас.

Под небольшим навесом рядом с избушкой уже висели несколько связок хариусов, но рачительный якут неустанно запасался вяленой рыбой, так как на носу была зима, а путь домой не близок, и кто знает, как будет в этом году с охотой.

Брызги медвежьего жира щедро кропили камни очага, изредка обжигая руки каюра. Он недовольно бормотал что-то по-якутски и лизал языком обожженные места, причмокивая и кряхтя.

Макар все-таки привел своего бородатого товарища в верховья ручья. Привел, получил в подарок заветный винчестер – и остался вместе с Владимиром.

«Моя здесь живи, однако. Твоя помогай, Ладимир», – сказал Макар, смущенно потупив голову.

Бородач в душе радовался – лучшего товарища в тайге, чем якут Макар Медов, не сыщешь.

Короткое колымское лето удачи не принесло – золото было рядом, но в руки не давалось. Изредка крохотные крупинки посверкивали на дне промывочного лотка, но это было далеко не то, на что он надеялся.

«Неужели Сафи-Бориска обманул?» – думал раздосадованный Владимир.

Нет, не мог он обмануть – сколько вместе таежных троп проложено, сколько раз в глаза голодной смерти заглядывали...

Но почему тогда Бориска не явился в условленное место, чтобы вместе отправиться к ручью? Почти месяц ожидал его Владимир в Среднеколымске – и впустую.

Он уговорил Макара Медова провести в эту глухомань – старательский сезон на Колыме короткий, того и гляди прикроет льдом золотую удачу. Жди тогда месяцев восемь-девять свой фарт впроголодь – купцы в долг давали неохотно и с такими процентами, что лучше в петлю, чем в их кабалу.

Владимир вяло прожевал опостылевшую рыбу, хмуро посмотрел на маленькую иконку у изголовья постели, и, небрежно перекрестившись, взял лоток, кирку и шагнул за порог избушки.

Ночью выпал первый снег.

К утру хорошо прогретая за лето земля вобрала в себя его пушистую белизну, и только стланик под тяжестью снежных комьев да северные склоны сопки запустили седые космы в редколесье распадков.

Сегодня путь предстоял неблизкий. Бородатый старатель решил пройти вверх по ручью на кромку наледи, укрытую за нагромождением огромных валунов.

Солнце уже давно разогнало утреннюю дымку, когда Владимир, подтянув повыше голенища рыбацких сапог, ступил на сланцевую щетку – дно ручья.

Наклонился и замер, боясь вспугнуть увиденное: крупные самородки усеяли дно, словно кто-то небрежно разбросал фасоль!

Все еще не веря в свою удачу, он рухнул на колени в мелководье и принялся торопливо выхватывать из обжигающих струек драгоценные камешки.

Мощную золоторудную дайку⁹, которая пересекала русло ручья чуть повыше наледи, он обнаружил только под вечер.

Упав перед ней на колени, как перед иконой, Владимир долго и истово молился, с благодарностью целуя нательный крест. Мрачные скалы впитывали эхо слов и в злом бессилье на его удачу пытались укрыть золотые блёстки длинными вечерними тенями...

– Макарка, пляши! – Владимир швырнул тяжелый мешочек на стол.

И сам пустился в пляс, тяжело и неуклюже притопывая натруженными ногами.

– Эхма! Наша взяла, Макарка! Эх, погуляем! Винчестеры сыновьям купишь, патроны! Хлеб купишь, сахар! Ну что же ты молчишь, не рад?

Макар бросил хмурый взгляд на рассыпанные по столу самородки и сказал:

– Учугей сох...¹⁰

– Почему, Макарка? – оторопел Владимир, уставившись на погрустневшего якута.

– Учугей сох... Плохой место. Уходи надо, однако.

– Зачем уходить? Я золото намыл, понимаешь, золото! Много золота! Ведь ради этого мы сюда и пришли. Богатым станешь, Макарка. Тебя в долю возьму. Не веришь? Честью клянусь!

– Якута золото нет! Нюча – улахан-тас¹¹, якута – сопкачан¹². Нюча приходи, золото бери; звери уходи, рыба подыхай, якута помирай – охота нет, кушай нет, однако. Улахан-тас дави сопкачан.

И Макар, отвернувшись, начал раскуривать свою трубку.

– Большая гора задавит маленькую... – вздохнул Владимир, виновато отводя взгляд в сторону.

Уж ему-то были хорошо знакомы обычаи дикой старательской вольницы, которая в погоне за золотом не останавливалась ни перед чем.

Впрочем, купцы и царские чиновники были не лучше – жизнь якута ценилась дешевле собачьей. А если к тому же запахнет большим золотом...

Гулкое рваное эхо далекого выстрела всколыхнуло ночное безмолвие распадка. Некоторое время Макар и бородач прислушивались в полной неподвижности, затем, не сговариваясь, подхватили оружие и выскочили наружу.

Злая искорка неожиданного костра трепыхались верстах в двух от избушки...

⁹ Дайка – золотоносная жила (*геол.*).

¹⁰ Учугей сох – Нехорошо (*якут.*).

¹¹ Улахан-тас – большая гора (*якут.*).

¹² Сопкачан – малая гора (*якут.*).

Их было трое: старый Делибаш, мордатый Гришка Барабан, нахальный и пронырливый, и китаец Ли, коротконогий и приторно вежливый.

– Ба-а, Граф нас опередил! – куражливо запрыгал вокруг бородача Гришка. – Приветик! В пай примете?

– Помолчи! – Делибаш зло прищурился на Владимира-Графа. – С каких пор ты стал, это, по чужим участкам прыгать?

– А с каких пор, Делибаш, мы с тобой на «ты»?

Владимир говорил спокойно, но его взгляд не предвещал ничего хорошего.

Делибаш, воровская душа, уловил скрытую угрозу в словах Графа, своей силой и бесстрашием завоевавшего большой авторитет среди старательской братии, и взял карабин наизготовку.

– Но-но, я с тобой, это, не шучу! – истерически взвизгнул Делибаш. – Убирайся отсюда подобру-поздорову! А не то...

Мягкий щелчок затвора винчестера заставил всех вздрогнуть.

Делибаш быстро обернулся. И застыл, боясь шевельнуться. Он стоял и таращился мутными глазами на Макарку, который держал его на прицеле.

– М-ма... Макарка? Т-ты как... здесь?... – пролепетал, заикаясь, Делибаш.

– Твоя карабина бросай, – решительно сказал Макар.

Каюр шагнул вперед.

– И твоя тоже... – заметил он судорожное движение Гришки – у того карабин висел на плече.

Два карабина покорно улеглись у ног пришельцев – меткость Макара ни у кого не вызвала сомнений.

Делибаш дрожал от страха и злобы, Гришка про себя матерился, хищно поглядывая в сторону Макара, только китаец Ли все так же слащаво улыбался и часто-часто кивал, словно заведенный.

– Делибаш!

Граф подошел вплотную к компании, безгласно отшвырнул ногой карабины подальше и продолжил:

– Здесь участок Бориски, и ты знаешь это не хуже меня. Мы с ним в паре работаем – и это тебе известно. Так что мой вам совет – держитесь подальше от этих мест. Понятно?

– Да-да, я... конечно... п-понял. Вы меня, это... извините. Бес попутал... Во, крест... – истово закрестился Делибаш, подкатывая глаза под лоб. – Все, уходим... Уходим. Это...

– Так-то оно лучше, – сказал граф.

Он поднял карабины и присоединился к Макару.

– Вы нам, это, карабины верните, – жалобно заскулил Делибаш. – Все же тайга, харчей мало, помрем с голодухи. Не дойдем...

– Ладно... – поколебавшись, Владимир швырнул один карабин к ногам Делибаша. – Одного вам хватит.

– Вот спасибочки, – поклонился Делибаш. – Дай вам бог... это...

И он засеменил по поляне вслед за Гришкой – тот почти бегом направился к их стоянке собирать вещи.

У края поляны Делибаш обернулся, хищно блеснул белками глаз и, криво ухмыльнувшись, исчез в зарослях...

На другой день неожиданно задождило. Хмурое небо сеяло мелкую морось, прозрачная вода в ручье замутилась, и якут решил «морду» не ставить.

Впрочем, ему было не до рыбной ловли.

Несмотря на уговоры Владимира, Макар хорошо смазал винчестер и до вечера рыскал по распадкам. Он не верил в покорность Делибаша, на совести которого была не одна невинная старательская душа.

– Ушли, однако... – коротко бросил якут Владимиру – тот помогал ему снять насквозь промокшую одежду.

Больше в этот вечер и все последующие дни о Делибаше и его компании не говорили. Такие стычки не раз случались между колымскими старателями и прежде. Нередко доходило даже до стрельбы. Поэтому конфликт не был чем-то из ряда вон выходящим. А значит, и обсуждать было нечего.

Найти богатое месторождение считалось большой удачей. Но еще большей удачей было взять золото и остаться в живых.

Разговоров о стычке с компанией Делибаша не было, но тревога осталась. Казалось, что она зависла на поляне перед избушкой как дымное облако в безветренную погоду.

Дело в том, что и Владимир, и якут хорошо знали воровскую натуру Делибаша. Он был очень мстительным и подлым человеком. Старатели и раньше обходили Делибаша стороной, а когда он нашел себе дружков, – китайца Ли и Гришку Барабана, – то и вовсе стали бояться.

И у китайца, и у Гришки было темное прошлое. Конечно, среди старателей добропорядочных обывателей почему-то не наблюдалось, но даже на таком босяцком фоне эти двое были, что называется, оторви и выкинь.

Владимир знал, что за поимку Ли власти Харбина назначили солидную премию. При этом им неважно было, в каком виде его доставят; китайцы согласились бы и на голову своего соотечественника.

Что касается Гришки Барабана, то и он был не лучше своих приятелей и подельников. Сын приходского священника, ушедший Гриня еще в отроческом возрасте умудрился запустить руку в церковную копилку. А когда стал старше, то проиграл в карты шитое золотом и серебром облачение своего отца, передававшееся из поколения в поколение. Последним его «подвигом» (из тех, что стали известны старательской братии) была кража драгоценностей у генеральской вдовы, которая приютила Гришку в надежде выйти замуж за молодого.

Когда она поняла, что ее мечты рассеялись как дым, а вместе с неблагоприятным любовником исчезла и ее заначка на черный день, бедная женщина не нашла ничего лучшего, как полезть в петлю.

После этого Гришка Барабан счел невозможным свое дальнейшее пребывание в центральных районах Российской империи. И не потому, что его заела совесть. А по той причине, что друзья генерала поклялись найти мерзавца-альфонса где бы он ни был и отрезать под корень его мужские принадлежности.

Гришка знал этих людей, и ни на йоту не усомнился в том, что так оно и будет. Боевые офицеры царской армии слов на ветер не бросали. Поэтому сын приходского священника сначала сбежал в Сибирь, пристроившись поваром в какую-то экспедицию. А затем, когда его начали искать и там, Гришка рванул на Колыму, которая многим казалась краем света.

Зная все это, благоразумный Макар настоял на том, чтобы, отправляясь в очередную вылазку к заветной дайке, Владимир брал с собой карабин – плечам тяжело, зато душе спокойно.

И сам якут постоянно был настороже.

Так прошла неделя, затем вторая. Взбурлив последний раз перед долгой зимней спячкой ручей, дождь, который шел не переставая три дня, прекратился; ударил крепкий морозец.

Добротный кожаный мешок Владимира уже вмещал в себя фунтов семьдесят золотого песка и самородков. А ведь он еще не начинал работать с самой жилой, в основном подбирая то, что намыл ручей.

Но, несмотря на обуявшую его золотую лихорадку, прагматичный Владимир понимал, что еще день-два – и нужно возвращаться в места обжитые.

Тем более, что и соль, и сахар были на исходе, не говоря уже о муке. Последнюю лепешку они съели, как самое дорогое лакомство, в тот вечер, когда Владимир отыскал золотиносную жилу.

В ночь перед новолунием они легли спать поздно: Владимир долго читал Библию, купленную по случаю года два назад (в последнее время он стал очень набожным), а Макар подшивал прохудившиеся торбаса.

Дверь скрипнула неожиданно громко. Макар (как и все старики, он спал чутко) проснулся первым и, вскочив на ноги, схватил винчестер.

Однако выстрелить якут не успел – сильный толчок свалил его на пол.

Владимир, на которого навалились сразу двое, почувствовал резкую боль от раны в плече.

Но низкий потолок, темень и теснота в избушке помешали бандиту рассчитать удар ножом вернее, и клинок вонзился неглубоко.

Боль словно добавила Владимиру сил; взревев медвежьим рыком, он вмиг расшвырял убийц по сторонам.

Задребезжала посуда, послышался хруст сломанной кости, и кто-то вскрикнул, попав под кулак Владимира. Затем затрещала дверь, которую сорвали с петель, и три темные фигуры одна за другой промелькнули в дверном проеме и исчезли в темноте.

Простоволосый, страшный в гневе, Владимир выскочил вслед за Макарой.

Якут тут же вскинул винчестер и выпалил по бандитам, не задумываясь и почти не целясь – тощего Делибаша он узнал сразу.

Тот охнул и упал, но затем быстро поднялся и заковылял в спасительные заросли стланника.

И в этот миг резко и гортанно закричал китаец Ли.

Молниеносно взмахнув рукой, он выпустил в воздух маленькую серебристую рыбку – остро отточенный нож.

Макар охнул, выронил винчестер и начал медленно валиться на землю.

– Макарка-а! – в отчаянии закричал Владимир, подхватив на руки бесчувственное тело якута.

Глава 7

С продуктами вышла неувязка. Их стало катастрофически не хватать. Взрыв на перевале, уничтоживший следы главарей белогвардейского отряда, напугал оленей, и две упряжки со съестными припасами свалились в пропасть.

Но беда не ходит в одиночку: примерно через две недели после случая на перевале, ночью, а точнее – под утро, волчья стая разогнала ездовых оленей.

Хищников с седой, почти белой, шкурой, которые были высотой с доброго теленка, казалось, родила метель. Бесшумные, как сама смерть, северные волки не боялись ни криков, ни выстрелов. Обезумевшие от страха ездовые олени порвали упряжь и умчались в ночь.

Когда полностью рассвело, удалось разыскать только двух оленей. Остальные или присоединились к своим диким сородичам, или стали волчьей добычей.

Почерневший от мороза Дервянов рычал, словно затравленный зверь. На одной из утраченных упряжек хранился запас спирта, и вынужденное трезвое существование бесило его больше, чем значительное ограничение дневного пайка.

Молчаливый Кукольников к потере оленей отнесся со странным безразличием. Он проявлял чудеса выносливости, прокладывая лыжню практически бесшумно. Казалось, что его бледно-желтые щеки вовсе не чувствительны к свирепому морозу; может, потому, что каждое утро он подолгу втирал в кожу вонючий нерповый жир, от которого Дервянова тянуло на рвоту.

Безразличный ко всему Христоня, закутавшись в башлык так, что виднелись только его блудливые похмельные глаза, прислуживал, как всегда, безотказно и сноровисто. Если и появлялась какая-нибудь мысль в его чубатой голове, так это, пожалуй, всего лишь одна: как перехватить лишний кусок с пайки господ офицеров.

Бирюлеву приходилось тяжелее всех. Пытаясь остановить оленей, взбесившихся от страха перед волками, бывший жандарм, а затем палач белогвардейской контрразведки, свалился в расщелину и подвернул ногу. Теперь Бирюлев хромал с каждым днем все сильнее и сильнее; он с превеликим трудом тащился позади, налегая на самодельный костыль. Больная нога Бирюлева распухла, стала толстой и неуклюжей, не влезала в торбас. Пришлось обмотать ее огрызками оленьих шкур – остатками пиршества волчьей стаи.

Проводник, старый якут Колыннах (его силой заставили вести всю гопкомпанию на поиски золотой жилы, обнаруженной Сафи-Бориской), шел вслед за Кукольниковым. Казалось, что он не знает усталости. Посасывая потухшую трубку, каюр шагал и шагал, словно заведенный. Он даже не глядел вниз – только вперед, за линию горизонта. Создавалось впечатление, что его ноги сами находят наиболее удобную тропу, несмотря на то, что снег скрывал все колдобины, бугорки и камни, встречающиеся на пути.

Морщинистое лицо Колыннаха с реденькой седой бородкой и коричневой обветренной кожей было непроницаемо спокойно. Его узкие глаза, несмотря на преклонные годы, смотрели молодо и остро. Поутру, перед очередным выходом на тропу, якут подолгу молился, стоя на коленях перед крохотным амулетом – искусно вырезанной из моржового бивня фигуркой какого-то якутского божества. Его он носил на кожаном гайтане под кухлянкой.

Вспыльчивый Дервянов однажды попытался прервать этот языческий обряд, но Колыннах с невозмутимым видом уселся на снег и отказался идти дальше даже под угрозой расстрела. Пришлось всем битый час ползать по сугробам в поисках костяного идола, выброшенного Дервяновым. С той поры каюра оставили в покое.

Последнего оленя прирезали уже на полпути к цели. Везти было практически нечего, а желудки все чаще и чаще давали о себе знать голодными спазмами. Ноги дрожали, подкаши-

вались, привалы участились; теперь за день они проходили ровно треть того расстояния, что в начале пути.

Как ни старались экономить, но вожаденное мясо исчезло уже к концу второй недели после забоя последнего оленя. Съели даже кости, заставив Христоню истолочь их в муку.

Казак, дабы не мучиться от голода, всю дорогу жевал лоскут оленьей кожи, очищенный от волосяного покрова. На ночь он посыпал его солью – наверное, чтобы было вкусней.

Выручал старый Колыннах, опытный охотник и следопыт.

Поколебавшись, ему все-таки вручили карабин, обойму патронов и приставили Христоню в качестве надзирателя – кто его знает, что у этого туземца на уме.

Какое-то время им везло. Старик мог найти дичь там, где, казалось, ее просто не могло быть. Воспрянувший духом Деревянов даже разрешил каюру в качестве награды за усердие есть похлебку вместе со всеми – из одного котелка.

Но вскоре они поднялись на плоскогорье, дичи оказалось там еще меньше, и добыть ее даже для такого многоопытного охотника, как Колыннах, стало весьма трудной задачей. А иногда – просто невыполнимой.

И снова над ними замаячил призрак голодной смерти. Стужа и снежная целина в пояс буквально высасывали жизненные силы путников. Последние силы.

Даже на лыжах идти было тяжело, так как снег, сухой от мороза, словно порошок, не слеживался, и они проваливались почти до самой земли.

Первым сдал Бирюлев.

Он упал, как бревно, и скатился по склону в промерзший до дна ручей. Бирюлев только слегка постанывал, когда Кукольников попытался поставить его на ноги.

Тогда бывший жандармский ротмистр, покривив тонкие шершавые губы, что должно было означать сожаление и печаль, вынул маузер и выстрелил в рот своему ближайшему сподвижнику.

– Нужно идти. Уже недолго. Неподалеку склад. Дойдем, – сухо чеканил Кукольников. – Господин поручик – замыкающий...

Он исподлобья посмотрел на Деревянова взглядом потревоженной змеи. Наверное, ожидал возражений.

Но поручик лишь вяло кивнул.

Абсолютное безразличие ко всему происходящему овладело Деревяновым, и он даже не одернул, как обычно, ротмистра, постепенно оттеснившего его, своего командира, на второй план...

К тайному продовольственному складу, загодя оборудованному предусмотрительным Кукольниковым, добрались только на четвертые сутки после смерти Бирюлева.

Кукольников, которого в последнее время стала мучить одышка, долго стоял, прислонившись к двери длинной приземистой избушки, не решаясь зайти внутрь, – а вдруг кто-нибудь их опередил?

Но все оказалось в целостности-сохранности и в нужном количестве, – как и было согласовано с фирмой «Олаф Свенсон и К°», поставившей припасы в обмен на пушнину, награбленную белогвардейским отрядом Деревянова у туземцев.

Отъедались и отсыпались в парной теплыни избушки почти месяц.

Мороз временами опускался за отметку минус 60 °С, и густой неподвижный туман покрывал речную долину и распадки.

А до цели оставалось еще добрых две сотни верст...

Глава 8

Итоги прошедшей недели особой радости, как и предполагал Савин, ему не принесли.

В актив можно было занести только временное перемирие с Наташкой и прибытие из служебной командировки старшего лейтенанта Петрищева. На его широкие плечи и.о. начальника ОУР и взвалил дела о квартирных кражах.

Мышкин, пробегая по коридорам управления, при встрече виновато отворачивал взгляд в сторону и на немой вопрос Савина скорбно кривился, а капитан сокрушенно вздыхал ему вслед.

И все же папка с надписью «Дело № 108/51К» постепенно приобретала вполне приличный упитанный вид.

Впрочем, вместо определенной ясности ее содержимое принесло такой водоворот новых пунктов и подпунктов в плане розыскных мероприятий, что впору было подключать к расследованию весь отдел.

Поэтому Савин, повздыхав и поплакавшись в жилетку коллегам, пригласившим его на открытие охотничьего сезона, ранним воскресным утром поплелся на работу и принялся систематизировать накопившиеся за эти дни материалы.

Пуля.

Выпущена из охотничьего ружья 16 калибра со сверловкой ствола «парадокс». Редкое ружьишко. В районе и окрестностях приграничных, увы, официально не числится. Проверено.

Значит, можно предположить, что убийца из местных жителей, старых колымчан. Они еще хранят ружья с такой сверловкой, преимущественно американского производства, попавшие на Колыму контрабандным путем через Чукотку.

Хранят их чаще всего в зимовьях, где оборудуют тайники. Такие стволы – мечта каждого охотника (особенно браконьера). Убойная сила и дальность полета пули почти соответствуют нарезным штуцерам. В советские времена за «американку» 16 калибра можно было схлопотать срок.

Итак, предположим...

Стоп, Савин, стоп!

И здесь вариантов хватает: убийца купил ружье у кого-то по случаю, нашел в тайге, в тайном зимовье, украл у кого-нибудь, наконец, каким-то образом ухитрился переправить из центральных районов страны. (Что весьма проблематично; однако возможно).

Достаточно? Вполне. С лихвой. Отставим предположения, законспектируем как факт.

Болотные сапоги.

Изготовлены в Московской области, на одном из заводов резинотехнических изделий.

Модель... Партия... Год выпуска – 2001. Хорошо, что сапоги новые, все буквы и цифры на подошве видны.

Рубашка, брюки... Размер 50, рост 4.

Производство... Москва! Опять Москва. Похоже, что вариант «москвич» наиболее вероятен.

Очень похоже...

Срочный запрос в Государственный исторический архив.

Ответ: «На ваш исходящий...» и тэдэ, и тэпэ. Обычная шапка.

Но бланк с державным орлом: «Сообщаем, что вышеозначенный герб принадлежит графской фамилии Воронцовых-Вельяминовых.

Граф, генерал-лейтенант Николай Воронцов-Вельяминов... погиб в 1905 году.

Жена графа, Анастасия Воронцова-Вельяминова, урожденная Тучкова, 1865 года рождения, умерла в 1922 году.

Дочь Наталья, 1889 года рождения, эмигрировала во Францию в 1918 году... Сведений не имеется.

Сын Владимир, 1884 года рождения, подполковник, осужден в 1915 году за убийство барона фон Типпельскирха, полковника Генерального штаба. Каторжные работы... Сведений не имеется.

Жена Владимира Воронцова-Вельяминова, Александра, урожденная Малахова, из мелкопоместных дворян Тверской губернии, 1895 года рождения. Сведений не имеется».

Размашистая подпись... кандидат исторических наук... Дата.

Архив Министерства обороны. (Как всегда, под грифом «Секретно».)

Вчерашняя почта. Спецсвязь.

«...Сын графа Владимира Воронцова-Вельяминова, Алексей, 1914 года рождения. Участник войны с финнами, награжден... Отмечен... Призван в действующую армию в 1941 году. Пропал без вести... Сведений не имеется».

Все.

Не густо.

Спросить Гр. В.В.-В., каким образом его вещички оказались в колымской тайге, явно не удастся.

Но кто же все-таки, черт возьми, почил вечным сном?!

Увы и ах. К сожалению, и запросы в архивы ничего не добавили к общей безрадостной картине расследования. Как ни обидно это сознавать, но дело с места не сдвинулось. По крайней мере, до поры до времени. (Савин, в тебе заговорило профессиональное самолюбие?)

Значит, единственно возможный правильный вариант – сосредоточиться на личности потерпевшего. Кто «за», прошу поднять руки. Савин – раз, Мышкин – два, Седлецкий... Горячо любимый шеф, как всегда, имеет особое мнение.

– Мечтаешь?

Савин от неожиданности вздрогнул и оторвался от бумаг. На него, приветливо улыбаясь, смотрел КаВэ Мышкин. Он всегда отличался тем, что появлялся в кабинетах оперативников, словно призрак.

– Ба, товарищ Мышкин! Каким ветром? – удивленно спросил капитан.

– Здравствуй, Боря. Не ветром, а ножками.

– Почему не на природе? Ты как будто собирался...

– Обстоятельства, – коротко ответил Мышкин, не вдаваясь в подробности.

– Что нового на вашем научном фронте?

– Зайди ко мне в лабораторию.

– Удивишь?

– Возможно...

Стараниями неутомимого Мышкина лаборатория криминалистического отдела приобрела вполне современный вид. И не только вид. Оборудование, на зависть коллегам из других райотделов области, которые тщетно пытались выведать у КаВэ секреты его снабженческих «подлогов», тоже было первоклассным.

Мышкин открыл сейф, извлек оттуда часы и лупу убитого и молча положил их на стол перед Савиным.

– Предлагаешь отремонтировать? – не удержался Савин, усаживаясь на стул-вертушку.

– Предлагаю тебе еще одну задачку.

С этими словами Мышкин осторожно открыл крышку часов, пододвинул их поближе к Савину и ткнул ему в руки лупу.

– Смотри внимательно. Не там, левее. Видишь, фирменная гравировка орнамента ограничена лентой? Сейчас я включу лампу. Присмотрись к ленте.

– Костя, это же... какой-то план!

– Не ори, гений сыска. План. И текст. Вот фотография гравировки. Увеличение стократное.

– План местности. Координаты! Это же здорово, Костя!

– Не очень, Савин, не очень здорово...

– Почему?

– Потому что текст – сплошная белиберда, набор букв, а координаты... Они или зашифрованы, или придется тебя командировать в Центральную Африку, чтобы лично познакомиться с местностью, на которую эти координаты указывают.

– Значит, шифр?

– Очень похоже.

– Ключ?..

– Увы, нам он неизвестен. Текст расшифровке не поддается. Я уже пытался. Правда, мои познания в этом деле довольно скромны...

– Не прибедайся, Костя, здесь все свои. Слушай, а что если ключ к шифру – гравировка на застежке портмоне?

– Проверял. Не получается. Думаю, что нужно все это отправить в Москву. В Магадане тоже нет спецов по шифрам.

– Время, Костя, время! У меня его в обрез. А если именно в шифре кроется разгадка всей этой истории?

– Все равно я сомневаюсь, что у меня что-либо получится. Не тот уровень, Боря, честное слово. В центре люди гораздо опытней по этой части.

– М-да... Может, ты и прав. А жаль.

– Мне тоже, однако выше головы не прыгнешь...

– Костя, а если попробовать сопоставить план на гравировке с картой на местности, где найден убитый?

– Идея хорошая, но для большой ЭВМ. Моему компьютеру на это и года не хватит. Сам знаешь, сколько ручейков и речушек сплетено в кружево на этой местности. А если учесть, что на гравировке все это изображено довольно условно, и главное, видимо, заключено в тексте, то суди сам, насколько нам подходит этот вариант.

– Согласен, – уныло кивнул Савин.

– И все же из этого плана мне удалось кое-что выцарапать.

– Ну!

– Техника, Боря... Нам удалось установить тождество почерков гравера на крышке часов и на застежке портмоне.

– Значит, все-таки на застежке ключ к шифру?

– Ключ не ключ, это еще требуется доказать. Но то, что гравер – умелец, каких поискать, можно сказать с уверенностью. Так тонко и чисто выполнить гравировку, да еще в таком микроскопическом масштабе и вдобавок ко всему искусно замаскировать, под силу только незаурядному специалисту граверного дела. А таких профессионалов в нашей стране, поверь мне, Боря, немного.

– Думаешь, ниточка?..

– Не просто думаю, а уверен.

Глава 9

Рана Владимира затянулась по истечении второй недели. Но Макар Медов выздоравливал трудно.

Дни и ночи напролет сидел возле него Владимир, прислушиваясь к тяжелому хриплому дыханию старого каюра. Сидел до тех пор, пока не стали подходить к концу продукты, загодя запасенные якутом.

Он растирал Макара мазями, хранившимися у якута на такой случай в котомке, поил целебными настоями трав и медвежьим жиром, прикладывал к ране толченную в порошок кору деревьев, смоченную спиртом.

А дни шли своим чередом. Шальной разгул октябрьских метелей утихомирил звонкий и веселый ноябрьский мороз, которому на смену пришел хмурый, туманный декабрь.

После Рождества Владимир впервые вышел на охотничью тропу. Продуктов у них осталось всего ничего. Подходила к концу даже вяленая рыба, хотя поначалу казалось, что ее хватит до весны.

Макару полегчало. Рана затянулась, и якут, придерживаясь за стенки избушки и при этом пошатываясь и кряхтя, пытался в его отсутствие ходить, за что не раз получал нагоняй.

Но дело явно шло на поправку.

Может быть, причиной тому были вкусные и питательные бульоны из глухарей и рябчиков, добытых Владимиром, или лечебные процедуры наконец дали желанный результат, а возможно и то, что зима медленно и уверенно скатывалась к весне, но как бы там ни было, а в начале февраля Макар стал на широкие охотничьи лыжи и отправился ставить петли на зайцев...

Олень ринулся напролом через кустарник, но пуля оказалась проворнее.

Отшвырнув в сторону ненужные лыжи, Владимир, зарываясь по пояс в сугробы и царапая лицо и руки о ветви, полез к добыче.

Второй выстрел не понадобился – когда он добрался до оленя, тот дернулся в последний раз и затих.

Быстро и сноровисто освежевав оленя, Владимир разрубил тушу на куски и принялся перетаскивать мясо поближе к лыжне.

Неясный, приглушенный густым частоколом молодого подлеска говор и шорох лыж заставили его прервать свое занятие.

Опрометью нырнув в заросли, Владимир дослал в ствол карабина патрон и, сдерживая бурное дыхание, затаился под корневищем вывороченного бурей сухостоя.

«Неужели опять Делибаш с компанией?!» – подумал Владимир.

Недобро прищурив глаза, он поднял карабин и взял на прицел неширокую просеку, откуда должны были появиться с минуты на минуту незваные гости...

На этот раз впереди шел Колыннах.

Заметив лыжню, Кукольников зло выругался, и на всякий случай решил обезопасить себя и остальных, спрятавшись за спиной старого якута. Держа карабины наизготовку, и осторожно поглядывая по сторонам, они медленно скользили по просеке.

Все еще зоркие глаза Колыннаха не подвели и на этот раз. Свежие олени следы и пар освежеванной туши, зависший легким облачком в прозрачном неподвижном воздухе, подсказали ему, что удачливый охотник где-то поблизости.

А хорошо зная таежные обычаи, он не сомневался, что вот-вот может заговорить и его карабин.

– Твоя не стреляй! – вскричал каюр. – Моя якута! Моя Ко-лын-нах!

Владимир уже и сам видел, что это не Делибаш с напарниками. Но при этом он не мог не отметить, как человек с определенным военным опытом, что попутчики старого якута отнюдь не новички в военном деле.

Как только Колыннах прокричал первую фразу, они словно по мановению волшебной палочки исчезли с лыжни, и только желтый дождь сухих лиственничных иголок указывал, что пришельцы тут же расползлись по сторонам, охватывая просеку полукольцом.

Поколебавшись какое-то мгновение и решив, что прятаться нет смысла, Владимир поднялся на ноги и подошел к Колыннаху – его он знал с давних пор, – не выпуская при этом из виду попутчиков якута, затаившихся в засаде.

– Ладимир! – радостно закричал Колыннах. – Улахан Ладимир... – Старый якут проследился.

И начал звать своих попутчиков:

– Ваша ходи сюда! Бойся нету! Ладимир – хороший человека!

Кукольников исподлбья всматривался в спокойное, мужественное лицо бородача. Жандармский ротмистр (а ему никак нельзя было отказать в проникательности) сразу смекнул, что перед ним человек незаурядный, не какой-нибудь таежный бродяга, варнак, личину которого он надел на себя.

Впрочем, такая маскировка не вызывала удивлений: сколько их благородий скрывалось в колымской глухомани после разгрома Белого движения на северо-востоке России. Не всем удалось укрыться в Китае или перебраться в Америку.

Поэтому Кукольников неожиданно вежливо спросил:

– С кем имею честь?..

Офицерская выправка ротмистра была видна даже под меховой одеждой, и Владимир понял, что перед ним один из защитников «единой и неделимой», которые не очень то стремились воевать, а в основном занимались грабежом местного населения и факторий.

Симпатий к этому сброду он не питал. Впрочем, как и к большевикам, о которых имел весьма смутное представление по той простой причине, что слухи о них доходили в колымские дебри разноречивые, да и те пресекались белогвардейцами самым жестоким образом.

Но, зная, с кем предстоит иметь дело, Владимир решил схитрить, поскольку численный перевес был явно не на его стороне, а замыслы пришельцев ему были неизвестны.

С горькой иронией в душе он назвал:

– Подполковник граф Воронцов-Вельяминов.

– Ротмистр Кукольников! – мгновенно подтянулся бывший служака Жандармского корпуса.

Чинопочитание в царской России всегда было на должной высоте, а тем более – в офицерской среде.

– Поручик Деревянов! – выпучил глаза в сторону графа и поручик, не столько от рвения, сколько от неожиданности.

– Прошу за мной, господа! Приглашаю вас отдохнуть с дороги и перекусить, чем Бог послал.

– Спасибо, господин подполковник! – ответил Кукольников.

Он был явно не похож сам на себя, и Деревянов едва не почесал затылок, глядя, как ротмистр угождает перед этим графом-подполковником, невесть откуда свалившимся на их головы.

– Полноте, господа, не за что. Долг гостеприимства...

Прихватив с собой охотничью добычу графа (то есть взвалив ее на плечи непривычно грустного и унылого Христони), все двинулись вниз по распадку, стараясь приноровиться к легкому размашистому шагу графа...

Макару Медову и старому Колыннаху поставили палатку неподалеку от избышки – господа офицеры не пожелали делить ложе с туземцами.

Владимир и не настаивал на обратном – в избышке и впрямь было тесновато, а морозы уже пошли на убыль.

Якуты жгли в палатке с вечера костерок, разогревая едва не докрасна несколько гранитных обломков. Камень долго отдавал накопленное тепло, и в их очень хлипком жилище до утра было жарко, как в хорошо протопленной бане. Вскоре на наружной поверхности палатки появился ледяной панцирь, от чего образовался кокон со свойствами термоса.

Христоня тоже решил присоединиться к якутам – лишь бы подальше от глаз господ офицеров.

Он страдал безмерно: и от присутствия под боком туземцев, и по той причине, что его использовали в качестве тягловой лошади.

Владимир в душе хвалил себя за предусмотрительность – кожаный мешок с добытым золотом он хранил после ночной стычки с компанией Делибаша в потайном месте, в скалах. А судя по разговорам и многочисленным намекам и выпытываниям, вновь прибывшие именно за этим сюда и пришли.

Конечно, скрыть то, что он занимается старательским промыслом, ему не удалось – промывочный лоток и кирку незаметно спрятать он не мог. Да и не хотел. Но так как в избышке оказалось совсем немного золота – четверть фунта, добыча последней недели, – Владимир показал его Деревянову и ротмистру и посетовал на фатальное невезение.

Поверили ему или нет, неважно – нужно было выиграть время, чтобы убраться подальше от этих пришельцев. За Макара Владимир был спокоен: якут не отличался болтливостью, а предупрежденный им, тем более.

То, что господа офицеры, не обладая старательским опытом, в скором времени доберутся к золотоносной дайке, тоже было маловероятным, да еще в зимний период. На это потребуется не один месяц и то при условии, что им знаком метод пробных промывок. Или нужно, чтобы они знали точное местонахождение золотоносной жилы.

Но Владимир Воронцов-Вельяминов не учел одно обстоятельство, а именно: ему противостоял человек иезуитской изворотливости и проницательности, которому удивлялись даже в Жандармском корпусе, – ротмистр Кукольников.

Не обладая громкими титулами и даже не имея чести называться дворянином, что в царской России было отнюдь не маловажным в продвижении по служебной лестнице, худой и болезненный с виду делопроизводитель, мелкая жандармская сошка, архивная крыса, неожиданно для всех своих коллег сделал стремительную карьеру по части политического сыска. Способность к анализу, хорошая память, невероятное самообладание и сильно развитое честолюбие единственного сына рано овдовевшего мещанина за сравнительно короткий срок службы в Жандармском корпусе позволили ему подняться вровень со старыми титулованными служаками и даже обойти их.

Агентурная сеть ротмистра его стараниями стала одной из самых разветвленных и мобильных. Людей для этих целей он умел подбирать, как никто другой, в самых разных слоях общества.

Плоды его деяний не замедлили сказаться на внутривнутриполитической арене предвоенной России. Были разгромлены большевистские центры в Туле, Пскове, Новгороде, захвачены склады оружия и подпольная типография эсеров в Петрограде, и сам Савинков с трудом сумел ускользнуть из ловушки, сооруженной для него Кукольниковым.

Одесские анархисты, организацию которых он вырубил под корень, пытались устроить на него покушение. Но самодельная бомба, изготовленная в мастерской Яшки Менделя, что, само собой, служило гарантией безотказности, неожиданно (для анархистов) взорвалась в руках боевиков.

Кукольников был инициатором и обширного рапорта на высочайшее имя самодержца всея Руси.

Уже в конце 1915 года он предвидел грядущую революцию и всеми силами стремился оградить русскую армию от большевистских агитаторов, которых партия направляла для подрывной работы среди солдат. Кукольников предлагал создавать из политически неблагонадежных, в основном рабочих и мастеровых, специальные воинские подразделения смертников и направлять их в самые опасные места. Мало того, для страховки – чтобы смертники не разбежались или не взбунтовались – он выдвинул идею заградительных отрядов, состоящих из казаков и черкесов.

К глубокому сожалению Кукольникова, эта затея не выгорела. И разгневанный шеф жандармов, который не был уведомлен о затее с рапортом, отправил самонадеянного выскочку с понижением в должности во Владивосток.

Революционные события в Петрограде застали Кукольникова на Камчатке, где ротмистр с обычными для него упорством и предусмотрительностью создавал еще одну агентурную сеть.

На Камчатке он оказался по самой, что ни есть, прозаической причине: шеф опального жандарма, не желая иметь под боком весьма опасного заместителя, явно метившего на руководящее кресло, постарался заслать его подальше. Впрочем, и сам Кукольников не горел желанием ежедневно выслушивать сентенции недалекого служаки, мнившего себя гением политического сыска.

Камчатка оказалась для него идеальным местом для налаживания связей с американцами и японцами. К первым Кукольников благоволил больше. Янки были прагматиками, так же, как и он, а потому ротмистр точно знал, чего они хотят. С японцами все оказалось сложнее. С этими хитрецами нужно было держать ухо востро. Их сладкие речи и неизменные улыбки Кукольникова не убаюкивали. Он им не верил. Правда, приятелей среди японцев завел. На всякий случай. И нередко пользовался их услугами.

Несмотря на то, что Кукольников принимал самое активное участие в Белом движении, особых иллюзий на предмет победы он не питал – чересчур уж хорошо ему были известны те подспудные силы, что привели к краху русскую монархию. Можно сказать, что все эти годы он плыл по течению, потому что иного пути для него не было. А оставаться в бездействии не позволяла его энергичная и целеустремленная, несмотря на внешнюю инертность и холодность, натура.

Особо не надеялся он и на интервенцию, так как сразу раскусил далеко идущие намерения и американцев, и японцев. События в центре России интересовали интервентов поскольку постольку. Сорвать пожирнее куш и отхватить кусок земли Русской побольше – вот все, о чем они мечтали, по мнению ротмистра.

Свободно владеющий тремя языками (немецким, французским и английским) и довольно сносно изъяснявшийся по-японски, хорошо начитанный, Кукольников тешил себя примером Французской буржуазной революции, потерпевшей поражение. Конечно, твердил он себе, и время иное, и условия не те, но гниющей ране примочки извне мало помогут, если организм сам не сумеет перебороть хворь. Пока народ не поймет, что его обманули, сладу с ним не будет.

Рано или поздно, но это должно случиться, в чем Кукольников был твердо убежден. Он хорошо знал тех, кто возглавлял революционное движение. Многие из них были агентами царской охранки; некоторых Кукольников вербовал лично. Этих людей прельщали не мифические свобода, равенство и братство, а маниакальная жажда власти. Их поступками управляла самая примитивная месть. Они не могли простить богатым – их богатство, предприимчивым – их предприимчивость, умным – их ум. Им нельзя было отказать в настойчивости при достижении цели, – настойчивости, граничащей с самопожертвованием. Но она была направлена на разрушение, а не на созидание.

Когда-нибудь этот молох обернется против них, утешал себя Кукольников. Это как в артиллерийской пушке: выстрел – отдача. Нельзя вытоптать хлебное поле и ждать потом урожая. Все в мире имеет свое начало и свой конец. Поэтому, нужно было набраться терпения и ждать. Но ждать где-либо на заграничных задворках и, вдобавок ко всему, без гроша в кармане, – этого ротмистр позволить себе не мог.

Кое-какие сбережения у него имелись в одном из швейцарских банков, где он завел себе счет во время заграничных командировок. Немалую сумму удалось переправить и в Харбин – выручку от проданной фирме «Свенсон и К^о» тайком от Дервянова пушнины. Но это были крохи. Нужен был запас денежных средств посolidнее.

И тут подвернулся случай с татаринoм Сафи Шафигуллиным, Бориской, который Кукольников конечно же упустить не мог. Богатая золотая жила, открытая старателем в колымских дебрях, сулила бывшему жандарму безбедное существование в ожидании грядущих перемен в России. И этот случай, эту удачу ротмистр не хотел делить ни с туповатым Дервяновым, ни тем более с графом Воронцовым-Вельяминовым.

Намерения графа конечно же не составляли трудной загадки многоопытному ловцу человеческих душ из Жандармского корпуса. Он видел его насквозь.

Глава 10

Подполковник Седлецкий, высокий, рано поседевший брюнет, нервно потирал руки, вслушиваясь в крепкий звонкий голос Савина – тот, не глядя в бумаги, докладывал ему о ходе расследования «Дела № 108/51К».

В кабинете начальника райотдела кроме них сидел и майор Кудрявцев, усталый и раздраженный. Он прилетел утренним рейсом и не успел даже позавтракать, как звонок шефа заставил его сломя голову мчаться на работу.

– Ты мне, Савин, не фантазируй!

Седлецкий пристукнул ребром ладони по столу.

– Сроки поджимают, мне прокурор продыху не дает, а у тебя все белыми нитками шито, – выговаривал он капитану.

– Товарищ подполковник! Я уже вам докладывал, что дело не простое...

– Меня это не интересует! – отрезал Седлецкий. – Поэтому и поручил его именно тебе, капитан.

– Спасибо за доверие, – буркнул Савин. – Стараюсь. Но у меня только одна голова и две руки.

– Ох, влеплю я тебе выговор, – остывая, вздохнул Седлецкий. – Попляшешь ты у меня...

Савин покорно склонил голову, при этом подмигнув Кудрявцеву. Тот только крикнул: и чем только Борька шефа ублажил? Другого Седлецкий уже давно разнес бы в пух и прах.

– Ладно, Савин, что там еще у тебя? Давай в темпе.

Подполковник нетерпеливо посмотрел на часы.

– Я получил запрос МУРа по золоту, – ответил Савин.

И достал из папки бумажный лист.

– А при чем здесь уголовный розыск? – спросил недоумевающий Седлецкий. – Золотом занимаются совсем другие структуры.

– Боюсь, это по нашей части. Дело в том, что МУР просит дать координаты прииска. И прислал нам данные химического анализа золота, которое там добыто. Обычная процедура. Такие запросы рассылаются во все районы области, где идет золотодобыча. Вам это известно.

– Ну и?..

– Нет в нашем районе ни такого прииска, ни разведанного и законсервированного месторождения. Я уже справлялся у геологоразведчиков. А вот золото – есть.

– Как это?

– Согласно экспресс-анализу, проведенному нашей лабораторией, в портмоне убитого обнаружен золотой песок с химическим составом, который идентичен указанному в запросе МУРа.

– Срочно запросите дополнительные данные.

– Уже сделано, товарищ подполковник. Вот ответ.

Савин протянул Седлецкому распечатку.

«На ваш запрос... исходящий №... от... сообщаем... Вышеозначенный драгметалл весом 935 гр. изъят при обыске у гражданина Красильникова Иннокентия Семеновича, 1940 года рождения, кличка Батон. Проживает по адресу: г. Москва... улица... дом... квартира... Судим... Статья... Показаний не дал. Просим сообщить...»

– Что еще за Батон? – спросил Седлецкий.

– По нашей картотеке он не числится.

– Вот что, Борис, введи в курс дела Кудрявцева и поезжай-ка ты в Москву, – несколько раздраженно приказал подполковник.

– Я об этом и хотел просить. С заездом в Магадан.

- Зачем?
- На предмет консультации по поводу гравировки. По нашим данным, там живет один человек, очень сведущий в этом вопросе.
- Решено. Все свободны...
- Ну, Сашка, удружил ты мне с этим дельцем. Век буду помнить, – обиженно бубнил Савин на ухо Кудрявцеву в коридоре.
- Да брось, Борька, дело как дело.
- Это ты теперь кроликам расскажи. А у меня за год второй «висяк» образовался. И что мне теперь с ним делать?
- Работать.
- А я что, балду гоняю? Или мне больше нечем заниматься, как разыскивать дырку от бублика?
- Между прочим, не забывай про сроки.
- Мне твое напоминание нужно как зайцу стоп-сигнал, – обиженно сказал Савин.
- Не заводись, Боря. Честное слово, я не предполагал, что заварится такая каша. Думал, что все будет как обычно, по накатанной схеме. Мало ли прежде находили безымянных покойников в тайге?
- Хочешь сказать, что во всем виноват Мышкин со своими экспертными заключениями?
- Ну.
- Сукин ты сын, Сашка!
- Не ругайся. Виноват, когда-нибудь исправлюсь.
- Учти, я злопамятный, выбьюсь в начальники, отплачу тем же.
- Давай. Буду рад.
- Будешь. Погоди...

В Магадане штормило. Злой промозглый ветер врывается в бухту и волнами накатывался на берег. От его порывов трудно было удержаться на ногах.

Чертыхаясь и пытаясь поплотнее запахнуть плащ, Савин перебежками от столба к столбу наконец добрался к подъезду дома, где жил старый гравер Журавлев.

Дверь открыл сам хозяин.

– Входите... Из милиции? Прошу сюда...

Лысый грузный старик провел его в гостиную. Его круглое добродушное лицо не покидало приветливое выражение. Похоже, он был из славной когорты старых колымчан, которым любой гость в любое время дня и ночи не в тягость, а в радость.

К сожалению, подумал Савин, таких людей с каждым годом становится все меньше и меньше.

– Паша! – позвал Журавлев жену. – Накрывай на стол.

Заметив протестующий жест Савина, улыбнулся.

– У нас обед, – сказал он, – уж не побрезгуйте...

На обед у супружеской четы Журавлевых был украинский борщ, жареная и копченая рыба, красная икра, маринованные грибы и овощной салат.

– А по рюмашке? – спросил старый гравер.

– Под такую закуску сам Бог велел, – весело ответил Савин.

В квартире Журавлевых капитан сразу почувствовал себя уютно и непринужденно. Как будто он вернулся в родной дом, на «материк», где его ждали старики.

Борщ был потрясающе вкусным. Капитан съел свою порцию без остатка и даже хотел попросить добавки, но постеснялся. Он неожиданно для себя набросился на еду с такой жадностью, словно не ел по меньшей мере два дня. Впрочем, в его холостяцкой жизни такие обеды случались нечасто. Это чтобы не сказать – очень редко.

– Так что там у вас, Борис Викторович? – спросил Журавлев, когда они уединились.

Старик раскурил трубку, и запах душистого импортного табака наполнил небольшую комнатнушку, переоборудованную в мастерскую гравера.

– Да понимаете, Григорий Кузьмич, тут такое дело... – принялся объяснять Савин.

– Понятно... Паша, дай мне оптику.

Журавлев сел за свой рабочий стол и взял лупу.

– У вас фотографии... – сказал он несколько разочарованно. – Это хуже. Впрочем, не суть важно. Я, знаете ли, сейчас на пенсии, уже не работаю. Выполняю иногда заказы, в частном порядке. Не ради денег – руки к работе сами тянутся. Сорок лет просидел с резцом – это немало. И тридцать – на Севере. Вот дочь зовет к себе, в Питер, а я не могу. Прикипел душой к Магадану – и все тут. Ну-ка, взглянем...

Журавлев долго всматривался в фотографии, недовольно хмуря кустистые брови. Наконец отложил лупу и задумался, поглаживая длинными пальцами гладко выбритые щеки.

– М-да... Талант... – сказал он с ноткой ревности в голосе.

Еще раз просмотрев фотографии, Журавлев вернул их Савину.

– Редкий талант, – подтвердил старый гравер свой вывод. – И почерк своеобразный. Но сказать определенно, чья это работа, не могу.

Заметив разочарование на лице Савина, он сконфуженно прокашлялся:

– Кх, кх... И все-таки, думаю, это кто-то из троих – Григориади, Лоскутов и Меерзон. Больше никому. Старая гвардия. Из молодых, возможно, Пасечник... Впрочем, нет! Не та школа. Так красиво сейчас не работают. Что поделаешь – план, деньги, давай-давай, жми-дави. Машинка под рукой, включил – вжик, вжик – и готово. А здесь сработано резцом, да не простым, – алмазным, с подчисткой. Каждый штрих выверен...

В тот же вечер Савин вылетел в Москву.

Глава 11

Огонь в очаге постепенно разгорался. В избушке было жарко, и дверь отворили. Снаружи по-весеннему ярко сияло солнце, кое-где пробивалась первая зелень, а внутри царил полумрак.

Связанный по рукам и ногам, до пояса оголенный, граф Воронцов-Вельяминов лежал на полатах. У стола сидели Кукольников и Деревянов, а Христоня время от времени подбрасывал в очаг сухие поленья.

Не успел уйти Владимир с добытым золотом, нашел все-таки его тайник Кукольников.

Граф сговорился с якутами бежать, как только сойдет снег – чтобы скрыть следы. Но жандармский ротмистр не дремал и, устроив засаду в скалах, выследил всех троих.

– Как же так, господин подполковник? – спрашивал Кукольников. – Зачем вы нас так долго за нос водили? Где же ваша дворянская честь? И наконец, куда подевалась ваша христианская мораль? Разве делиться с ближним не одна из христианских заповедей?

Он небрежно похлопал ладонью по мешку с золотом, который лежал на столе.

– Ну-ну, я не настаиваю на подобной формулировке...

Кукольников с иронией сделал полупоклон в сторону графа, который пробормотал «подонки» и отвернулся к стене.

– Допустим, мы с вами не столь близки, чтобы рассчитывать на ваше великодушие, – сказал Кукольников. – Но поскольку мы попали в довольно затруднительное положение, как вам это известно, то имеем полное право рассчитывать на определенную компенсацию за заслуги перед Отечеством и монархией. Не так ли?

Ротмистр впился своим змеиным взглядом в бесстрастное лицо графа.

– Молчите... – процедил Кукольников сквозь зубы.

Ротмистр стал мрачнее грозовой тучи.

– Тем хуже... для вас, – сказал он с угрозой. – Думаю, что мы все-таки договоримся и вы нам подскажете, где находится ваш Клондайк, так как здесь, – он еще раз похлопал ладонью по мешку с золотом, – для всей нашей компании явно маловато. Я жду, граф. Не испытывайте мое терпение.

– Вы негодяй, ротмистр.

Владимир с презрением посмотрел на Кукольникову.

– Впрочем, не буду метать бисер перед свиньями, – сказал он с нажимом. – Компенсацию за ваши... «подвиги» во имя монархических идеалов вы, естественно, получите. Только свинец чересчур благородный металл для вас, уж поверьте мне. А вот пеньковая веревка – в самый раз.

– Но-но, ты, мать твою!.. – выматерился, зверея, Деревянов. – Поговори у меня, сволочь. Я с тебя шкуру сдеру.

– Успокойтесь, поручик, – миролюбиво сказал Кукольников. – Уважьте графское достоинство. Все-таки голубая дворянская кровь... – Он хищно осклабился. – Господина подполковника можно понять. Не так ли, граф? Думаю, что именно так. Поэтому во избежание недоумений и насилия (поймите меня правильно), вы нам подскажете, где находится золотая жила. Мы, в свою очередь, гарантируем вам жизнь... и определенную долю в добыче. В этом я ручаюсь словом русского офицера. Условия, я считаю, вполне приемлемы.

– С каких это пор ищейки Жандармского корпуса стали считать себя русскими офицерами? – с издевкой спросил граф. – Право, смешно – слово жандарма...

– Значит, мирные переговоры закончились полным фиаско... Плохо. Для вас плохо, господин подполковник. Христоня! Положи-ка в печку шомпола. Придется вас, милостивый сударь, слегка подогреть, дабы освежить память и сделать более покладистым. Уж не обесчудьте...

Пытка продолжалась не менее получаса.

Граф скрипел зубами от боли, глухо стонал, но на вопросы Кукольниково упрямо не хотел отвечать. В конце концов он потерял сознание.

В избушке отвратительно пахло паленым, и Кукольников вместе с Деревяновым вышли наружу.

– Христоня! Освежи графа, – приказал Деревянов, закуривая.

Поручик готов был лично разрезать графа на кусочки. Он ненавидел всех, кто был умнее его. А в особенности Деревянов не любил тех, кто имел большой чин, что у армейских считается признаком незаурядного ума или серьезных связей в верхах, что почти одно и то же.

Деревянов всегда стремился к власти и чинам, но как-то так получалось, что он успевал только к шапошному разбору. Даже война с германцами застала его в диком захолустье. Ах, как он мечтал попасть на фронт, чтобы заработать звание георгиевского кавалера и повышение по службе! Но все рапорты, в которых поручик просил отправить его в действующую армию, так и остались лежать под сукном до самой революции. И не потому, что он по каким-то параметрам не подходил командирам маршевых батальонов, формировавшихся на северных окраинах России. Просто Деревянова не любило и не жаловало начальство. Он всегда и со всеми был на ножах. Поэтому поручика и отправили не на фронт, а в самую, что ни есть, глухомань, где он должен был выполнять чисто гражданские обязанности. Начальство знало, на какую мозоль ему наступить, чтобы поручику было больней...

Но при всем том Деревянову никак нельзя было отказать в храбрости. Что он и доказал не раз, когда примкнул к Белому движению. Правда, потом он об этом иногда сожалел, но дело было сделано, и отступить он уже не мог.

Его командирами оказались те же самые начальники, что изгалялись над ним до революции. Однако теперь поручик, уже не связанный присягой, мог наплевать на их указания и команды. Что он и сделал, сколотив свой личный отряд, от которого за версту несло анархией.

К нему шли те, которым не было места среди офицеров, готовых, не задумываясь, сложить головы за монархические идеалы. По большинству его подчиненным давно веревка плакала; многие из них были патологическими убийцами, которые только прикрывались лозунгами Белого движения.

Нередко отряд Деревянова занимался откровенным грабежом. Но этому не мог помешать даже Кукольников, которого поручику навязало штабное начальство (ротмистр кроме своих непосредственных функций был в отряде чем-то наподобие большевистского комиссара). И поручик, и бывший жандарм знали точно, что их подчиненные, если не дать им возможности проявить свои злодейские натуры, тут же разбегутся. Поэтому и тот, и другой смотрели сквозь пальцы на бесчинства казаков и офицеров отряда. Так обычно поступали начальники в древние времена, отдавая свои воинам захваченные города на разграбление.

– Крепкий орешек, – сплюнул Деревянов в досаде. – Держится за эту жилу, как черт за грешную душу. Не могу понять, почему он не согласен на наши условия?

– Все очень просто, поручик...

Кукольников присел на чурбан у входа.

– Граф умный и мужественный человек, – сказал он, скверно ухмыляясь. – Он прекрасно понимает, что нужен нам до тех пор, пока мы не доберемся до золотой жилы. Вот и весь сказ.

– Ничего, скажет, уж мы постараемся...

– Ошибаетесь, господин поручик. Не скажет. Были уже на моей памяти такие твердокаменные. Правда, большевички, краснопузы, борцы за идею. Этот вроде должен быть послабее, голубая кровь, но поди ж ты...

– Так что же тогда делать?

– Все, что было до этого, – прелюдия к основным событиям, поручик.

– Как это?

– Очень просто. Жаль, что вы не изучали психологию. Занятная и полезная наука, смею вас уверить. Сейчас мы сыграем на самой слабой струне подобных твердокаменных типов – острому сочувствию к страданиям других. Тем более, когда страдать по его вине должен близкий ему человек, товарищ...

Макара Медова ввели в избушку, когда Христоня с помощью нескольких ведер воды привел Владимира в чувство.

– Ладимир! – в страхе закричал якут, увидев вздувшуюся и почерневшую от ожогов спину графа.

– Как видишь, твой «Ладимир» оказался больно несговорчивым, – с издевкой сказал Кукольников.

Он придержал старого каюра за рукав, когда тот со слезами на глазах бросился к полатам, где лежал его товарищ.

– Поэтому во избежание дальнейших недоразумений, – продолжал Кукольников, – ты нам скажешь, где находится золотиносная жила. В противном случае мы продолжим эту вынужденную экзекуцию. Непонятно? То есть еще больше подрумяним господина графа.

– Он не знает... – прохрипел с натугой Владимир.

И выразительно посмотрел в глаза якуту.

– Тойон, моя не знает! Отпусти Ладимира!

Каюр упал перед Кукольниковым на колени.

– Врешь, немытая морда! – пнул его ногой Деревянов.

– Христоня! Займись графом, – приказал Кукольников.

Он поднял Макара за шиворот с пола и усадил на табурет.

– Смотри сам, до чего доводит упрямство, – злобно прошипел жандармский ротмистр над ухом якута.

Снова пошли в дело раскаленные шомпола.

Владимир, прикусив губы до крови, молчал. Макар при виде такого изуверства потерял сознание и завалился на пол.

– Отставить! – прикрикнул Кукольников на Христоню.

В этот момент вестовой достал из печки очередной шомпол, раскаленный докрасна, и, нехорошо ухмыляясь, направился к графу.

– Приведи туземца в чувство, – приказал ему Кукольников, кивнув в сторону якута.

– Значит, не скажешь, где золотая жила? – потербил он за плечо каюра. – Тогда пеняй на себя.

– Не знает он... – вновь захрипел Владимир, ловя взгляд Макара.

Тот давно все понял: Ладимир, товарищ, друг, не хочет раскрыть тайну, а значит, и он не вправе это сделать.

И Макар прикрыл глаза, со свойственным якутам стоицизмом приготовившись к самому худшему, что бы ни выпало ему вынести в этот день.

Но Кукольников не зря слыл одной из лучших ищеек Жандармского корпуса. Казалось, что он угадывает мысли графа. Иронично покривившись, ротмистр показал Христоне на Макара Медова. Казак сноровисто сдернул с него кухлянку, оголив якута до пояса.

– Придется и тебя слегка пожарить, друг ситцевый, – сказал ротмистр. – Не хотелось бы, однако ты не оставляешь нам выбора.

Дождавшись, пока Христоня связал якуту сзади руки, Кукольников неторопливо вытащил из печки раскаленный шомпол и сунул его каюру под мышку. Тот дернулся, вскрикнул, а затем тихо застонал.

– Оставьте его в покое! Не знает он, не знает! Изверги! – заворочался Владимир, скрипя зубами от боли в обожженной спине.

– Знает, дорогой граф, все он знает...

Кукольников наотмашь хлестнул якута шомполом по обнаженной спине.

– Остановитесь! Довольно! Я покажу вам... это место...

– Вот так бы и давно...

Кукольников самодовольно ухмыльнулся и бросил шомпол к печке.

– Развяжи графа, – приказал он Христоне.

– Только якутов вы отпустите, – сказал Владимир.

Морщась от боли в спине, он растирал затекшие руки.

– Э-э, нет граф. Так не выйдет. До тех пор, пока вы нам не покажете...

– Ротмистр, – перебил Кукольникова граф, – я все сказал. Иначе мы с вами не сговоримся. Можете мне поверить.

– Какие гарантии вы дадите нам, что все будет без обмана?

– Мое честное слово.

– Что ж вполне подходит... – колебавшись некоторое время, согласился Кукольников.

– Отпустите якутов сейчас же, сию минуту, – твердо отчеканил граф. – И без сопровождающих.

– Но ружья они не получают, – твердо отчеканил ротмистр.

– Согласен, – после небольшого раздумья сказал Владимир. – Но тогда обеспечьте их провиантом на пару недель.

– Это можно. Собирайся...

Кукольников брезгливо кинул Макару его засаленную кухлянку.

– Ладимир! Моя не ходи! Моя оставайся!

– Нет, Макар, так надо. Уходите. Жив буду – свидимся. Уходите!

– Возьми это. Моя не надо... – совал якут Владимиру мешочек с остатками целебных мазей и трав. – Твоя спина лечить будет...

Якуты ушли.

Но вылазку к золотой жиле пришлось отложить до тех пор, пока хотя бы немного подживет обожженная спина Владимира. На этом настаивал граф.

Пришлось Кукольникову с Деревяновым согласиться почти на все его условия. В том, что он их не обманет, Кукольников был твердо убежден, – не такой это человек.

Но факт времени, неумолимый своей неотвратимостью, настойчиво поторапливал ново-явленных золотоискателей.

Из личного опыта ротмистр знал, что якуты рано или поздно возвратятся (если, конечно, дойдут в обжитые места), и не одни, а со своими соплеменниками.

Обычно туземцы были безропотны и податливы. Но если кто-то затронет их гордость или честь, тогда этому человеку не позавидуешь. Опытные охотники и следопыты, великолепные стрелки, они могут месяцами выслеживать в тайге врага. И редко кому удавалось уйти от них безнаказанным.

Поэтому, решил Кукольников, пока туземцы вернутся, они, нагруженные добытым золотом, должны быть вдалеке от этих мест.

Воронцова-Вельяминова стерегли денно и нощно. Христоня стал его тенью, всегда с карабином в руках. Кукольников рисковать не хотел: слово словом, а меры предосторожности не помешают. Но граф о побеге и не помышлял; отупляющее безразличие ко всему происходящему погрузило его в меланхолию. Он днями сидел под избушкой, благо дни были теплыми и солнечными, уносясь мыслями в прошлое, которое казалось ему сном.

Израженная спина зажила быстро благодаря мазям Макара. И примерно через неделю после ухода якутов он повел всю троицу к золотоносной дайке.

Увиденное ошеломило Кукольникова, а в особенности более простодушного Деревянова. Самородки буквально валялись под ногами, а первые промывки показали, что и на самом деле золотоносное месторождение чрезвычайно богатое.

Опьяненные неожиданно привалившим богатством, новоявленные старатели ковырялись в ручье с раннего утра до ночи. Граф не захотел участвовать в добыче и сидел в избушке под присмотром все того же Христони. Решение его судьбы отложили на неопределенный срок по настоянию Кукольников. У ротмистра были свои виды на графа.

Дервянова так и подмывало пустить пулю в лоб строптивому гордецу. Но Кукольников в этом вопросе был непреклонен – граф должен жить, он им еще нужен. И поручик, скрепя сердце, согласился до поры до времени подождать с выяснением отношений, хотя и не понимал, куда гнет хитроумный ротмистр.

От этой неопределенности Дервянов временами зверел и бил чем ни попадя несчастного Христону за малейшую провинность – настоящую или мнимую, без разницы. Бедный казак не знал, куда от него спрятаться.

А все было очень просто – Кукольников про себя уже давно решил судьбу Христони и Дервянова. По замыслу ротмистра, им суждено было вечно охранять золотую жилу, – чересчур уж ненадежными были его «друзья». Графу же ротмистр мог верить, заручившись его словом. К тому же только он способен был вывести Кукольникова из тайги, потому что обратную дорогу ротмистр и Дервянов, не говоря уже о Христоне, успели основательно подзабыть – когда их вел Колынных, никто особо не присматривался к таежным приметам. Ко всему прочему, одно дело идти по тайге зимой, другое – летом, когда она изменяется до полной неузнаваемости.

Христоня сидел у избушки на древесном стволе и что-то строгал ножом, время от времени бросая свирепые взгляды в сторону Владимира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.